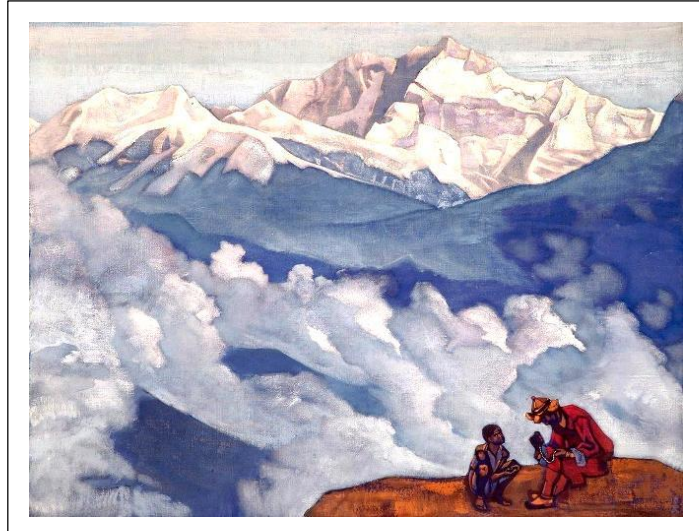

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

«Тот, кто поставил себе задачи всегда оставаться в пределах истины, тот научится разбираться во всех случайностях и бережно сопоставит причины и следствия. Одно дело - просто порадоваться какому-либо одному произведению, но другое дело порадоваться прекрасно сложенному целому ожерелью, в котором найдётся много самоцветов в неожиданных сочетаниях».

Н.К. Рерих

Н.К. Рерих. **Жемчуг исканий**. 1924.

Собрание творений Н.К. Рериха, предлагаемое вашему вниманию, совершенно уникально. Двадцать лет по крупицам собиралось оно из бесчисленных источников. Тщательно выверялось, выстраивалось в хронологическую композицию – от самых ранних сохранившихся первоисточников до последних дней пребывания на земле Николая Константиновича.

Собиратель твёрдо придерживался философии Рериха - ни слова не прибавить от себя. Не давать никаких комментариев. Пусть каждый по-своему соприкоснётся с этим удивительным Миром, откроет его для себя. И ни одно чужое суждение не помешает впечатлению, проникновению, пониманию.

Из года в год, страница за страницей заполнялись огромные синие папки статьями, перепиской, хроникой, сказками, стихами, репродукциями картин, эскизов, графикой Николая Константиновича. Исследовались фонды музеев, расшифровывались папки рукописей. Конечно, есть ещё в этом необъятном труде свои белые пятна. Есть не расшифрованное и не опубликованное. Пока ещё не доступное. Удерживаемое кем-то при себе. Но собиратель знает, как знал Николай Константинович – всё будет на своих местах. Когда-нибудь это собрание будет пополнено тем, что принадлежит всему человечеству.

Собиратель бережно отнёсся к текстам, максимально сохранив стиль и ритм написанного, иногда жертвуя современными правилами орфографии и синтаксиса. Тексты несут в себе настроение, ощущение, дух того времени. В них осталось то трепетное, живое, что погружает нас в состояние памяти чего-то прожитого, знакомого. И каждый становится участником прошлых событий.

Это необыкновенное документальное повествование, рассказанное Николаем Константиновичем о себе, станет в веках заветом для человечества о самом главном – о восхождении Духа Человеческого.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

"Шествие Рериха по странам мира колышет тихие воды человечества, но колышет их не так, как война, как нажива. Человечество самым трогательным образом готово слушать и, кажется даже, - слушаться!

Не могло, в сущности, и быть по-другому.

Ведь Рерих в изысканной, несравненно художественной форме, в чудесных образах, в поющих красках, во всём обаянии современной культурности, избранной, утончённой и высокой, принёс миру, во множестве своих картин, такое напряжённое чувство безусловной Красоты, такую свежесть впечатлений, такую сияющую святость настроений, которых давно, очень давно не чувствовал западный мир в своём обиходе: европейский, пожалуй, — со времён Возрождения, а мир американский — её никогда за всё время своего существования".

Всеволод Иванов, "Рерих - художник-мыслитель"

«Высокий Дух приходил в мир и оставил в нём свой жемчужный узор на века. Эволюция планеты получила мощный импульс. Рукотворчество великого художника имело мировое признание. Это бесспорно. Но огромно поле незримой деятельности его духа ещё будет давать свои огненные следствия на протяжении многих столетий. Эта сторона его активности принимается мало, но завесу приоткрывают его книги и рукописи. Жил жизнью и интересами всей планеты и принимал участие в движениях и начинаниях преудказанных Нами. Идея Знамени Мира, охраны сокровищ искусства и памятников, - Пакт Мира, объединение лучших представителей человечества под стягами культуры - всё это прообразы тех форм жизни, в которые выльется судьба планеты в наступающей Светлой Эпохе Матери Мира. Он провозгласил понятия и идеи, до него не признаваемые человечеством, - идеи, признание которых потребует времени и борьбы, но без проведения которых жизни на Земле грозит катастрофа. Его предвидение хода мировых событий носит планетарный характер. Исполнителем Великой Миссии Света, Посланником Иерархии был на Земле этот великий художник, философ, путешественник, археолог и человек великого сердца, всю свою жизнь отдавший на служение человечеству. Не будем считать его мёртвым, ушедшим из мира, но поймём, что *огненная деятельность* такого Духа и служение его Свету не прерывается смертью. Смерть для тех, кто верит в неё и думает умереть, но венец бессмертия - удел Духов Великих».

«Жизнеописание Носителей Света очень нужно для того, чтобы показать людям наглядно и воочию, как надо жить, устремляться и трудиться на Земле для Общего Блага. Слова могут быть бессильны, но пример применения на практике, в жизни обычной. Велений Учения Жизни неотрицаемо убедителен. Указано ясно: «рукой и ногой человеческой». И не абстрактное теоретизирование, но действия чисто земные, насыщенные огненной целеустремлённостью, убедительнее всех слов. «Проповедь отошла, осталась жизнь». Так, изучая земную жизнь Служителей Света и Им подражая твёрдо и неуклонно, находите ту узкую тропу, которая ведёт в Свет».

(Грани Агни Йоги, т. т. 12, 13-471).

* * *

«Идёт утверждение Имени, и постепенно расширяется круг принимающих Его сознаний. Это нужно для будущего. Кому оно не звучит, будут противодействовать. По противодействию определите и против идущих. Старый мир имеет много явных и скрытых сторонников. И не то, как называет себя человек, но как воспринимает он будущее, раскрывает его сущность. По этому признаку и судите».

«Мы, насколько это возможно. Утверждаем имя Гуру и Хотим, чтобы о нём знало как можно большее количество людей».

«Имя Гуру неразрывно связано с его творчеством, его философией и с Учением Живой Этики. Затрагивая его имя и популяризируя его, Мы вовлекаем сознание людей в сферы его мыслей и деятельности. Магнит его имени очень силён. **И тем, кто о нём говорит и пишет, легче коснуться Учения или других вопросов жизни, опираясь на его авторитет. Не у каждого говорящего его собственный авторитет столь велик, чтобы его слушали, но авторитет Гуру, как великого художника, философа и мыслителя достаточно силён, чтобы привлечь внимание многих умов.**

Зачем излагать свои убеждения, касающиеся Учения, когда убеждения и взгляды Гуру будут во много раз убедительнее. Потому говорить и действовать не за себя и не от себя, но за Гуру и от его имени и о нём и Учении, так крепко связанном с его жизнью, будет правильным решением вопроса популяризации его мировоззрения и отношения его к мудрости Востока.

Можно приветствовать каждое выступление именно в этом направлении. Его имя принадлежит будущему и связано с ним неразрывно. Говоря о будущем, нельзя не коснуться имени Гуру, который так пламенно устремлялся в него и увлекал за собою тех, кто был созвучен ему в духе».

«Теперь понимаете, для чего нужно утверждение имени Гуру, для чего нужны его картины и книги, и почему известность его столь широко распространённая в мире, нужна не для его прославления, но для утверждения Учения Владык. Возвеличивая его, возвеличиваете пославших его на подвиг. Ведь не кончилось ничто, а наоборот, будущее, сужденное человечеству, только приближается. И то, что дано, и те, кто давал, встанут перед человечеством в новом ореоле и в новом и более широком понимании их мировой миссии. Плоды созревают ко времени. И будет что собирать. И хватит на всех, ибо посев был великим».

(Грани А. Й., т. 10, §§ 3, 173-174)

СИМФОНИЯ ЖИЗНИ

Увлекательна радость наблюдать великое делание. Поистине, это ощущение подобно вибрациям великой симфонии.

Вы наблюдаете все нарастания и замирания, чтобы с трепетом уследить, как именно замирание созвучий разрастётся в блестящий утверждающий аккорд. И как нарастания превратятся в торжественную фугу, всегда обновляясь и храня основную тему. Вот уже как будто тема иссякла. Не повторилась ли она? Нет. Она опять возродилась в новой тональности, напитанная новой убедительностью.

Выросло маэстозо. Вот-вот оно уже как бы кончилось, но лишь для того, чтобы зазвучать вновь и затронуть новые струны нашего сердца. Вот уже как бы высшая мера — кажется, дальше нельзя... Но гениальный композитор неистощим. Вливаются новые силы, и следует новое разрешение.

Навсегда остаются в душе призывы таких мощных симфоний. В усталости ли, в раздумье ли человек про себя повторяет эти потрясшие его созвучия, и сколько обновления и неисчерпаемости открывают они в живом сердце!

Взяв сравнение музыки, невольно вспоминается и страна, где так много музыки и песен, рождённых в самой жизни. И теперь на наших глазах мы слышим симфонию жизни в великом делании. Разве не великое это делание, когда вы посмотрите или, вернее, прослушаете эту симфонию от её зачатка. Во всех волнах нарастания пусть видят молодые учащиеся, чего может достигать дух, сознательно устремлённый к процветанию страны.

Всё великое прошлое возлагает на плечи делателей огромную, казалось бы, подавляющую для других ответственность. Но радостно и проникновенно принята эта ответственность. В светлом добровольном порыве разрешились многие, казалось бы, нерешимые проблемы.

Великий делатель заставляет поверить в себя, ибо без этого доверия он не мог бы строить. Сознание народа, смущённое недавними потрясениями, признало этот собирательный маяк.

Даже те, которые по какой-либо причине не могли сразу понять благотворность делания, они, в конце концов, должны признать, что совершается нечто высокополезное, нечто собирающее и координирующее нервы страны.

Сейчас происходит на глазах наших целый ряд подобных деланий в разных размерах. Во время душевных потрясений человека лечат музыкой. Так же точно во время мировых кризисов сознание укрепляется лицезрением действующих обновителей и укрепителей жизни. Правда, исторические примеры как нельзя более нужны. Они должны быть преподаны во всех школах, от низшей и до высшей. Но сердце, хотя бы и укреплённое далёким прошлым, жаждет прикоснуться ко дню сегодняшнему и утвердиться сознанием, что великие делания возможны здесь, сейчас, неотложно. Исторические примеры дадут основу, но вырасти делание может, если будет поддержано тем, что возможно сейчас, несмотря на все трудности.

Преодоление трудностей уже будет необычайно возбуждающим средством для всех, следящих за нарастанием аккорда. Великие примеры, созданные в преодолении трудностей, поистине незабываемы. Не было отступления, происходило нарастание, которое не может не быть признано и друзьями, и врагами. Конечно, наличность врагов сохраняется. Ведь нельзя же без них; без врагов, как песнь без аккомпанемента. Да и на ком же измерить длину тени своей делателю?

Вполне естественно, что творец не может не смотреть широко кругом, но в своей мощной симфонии он вносит и в далёкие предметы отзвуки той же силы и неотложности, как и среди ближайших дел. Авторитет, заработанный трудом неустанным, не может быть заменён никакими другими убеждениями. А ведь сейчас люди так нуждаются в авторитетах. От известного они пришли к самому неизвестному. Поклонившись самому неизвестному, люди увидели, что от этого построения пути нет. И они опять загрустили об авторитетах. И таким образом возникли истинные значения. В этом понимании истинных значений заключён залог преуспевания. По неведению люди запнулись за многое, через что нужно было лишь перешагнуть, если ясен путь дальнейший. Но, очищая значение остальных понятий, люди получают и путь ясный, в котором «ужасные проблемы» станут лишь камнями перехода великой реки.

Великие примеры научают не бояться. Ведь каждому большому делателю угрожает бесчисленное количество опасностей. Опасности эти не претворяются в действие, ибо делатель, прежде всего их не боится. А все то, чего мы не боимся, уже теряет всякое значение, если оно было направлено лишь, чтобы ужаснуть нас. Как же должны быть признательны люди каждому великому делателю, безразлично, будут ли они вполне или не вполне согласны с подробностями его пути. Когда вы видите величественную картину, то по строению самого глаза вы не рассмотрите подробностей её. Вам будет жаль разбить ваше цельное возвышающее впечатление о какую-либо неясную вам подробность. Большое и вызывает большие меры. Если же что-нибудь может вернуть измельчавшее человечество к большим мерам, к большим переходам, к великим восхождениям, то мы должны всемерно беречь эти великие путевые вехи мира.

Музыка понималась в классическом мире как вообще художественно-образовательное понятие. Пусть будут примеры музыки в этом широкотворческом понимании наиболее выразительны и для других жизненных достижений.

Музыку нельзя рассказать словами. Она должна быть воспринята в действии. То же самое и во всяком творчестве. Потому-то положение художественной критики всегда относительно. Так же теоретически можно рассуждать о возможности жизненных великих примеров и в наше время. Одно будет теоретическое рассуждение, но совсем другое, когда видим эту великую симфонию жизни, проявленную тут же, при всех, на тех самых местах, где она казалась невысказанной. Честь и слава великим делателям!

Честь им, которые в жизни, в трудностях, в опасностях и трудах вносят неустанное просвещение народа и, подобно неутомимому ковачу, выковывают героический дух нации. Честь и слава великим делателям, которые и днём и ночью ведут народ ко благу. Великая симфония жизни!

Отрицание, вечный тормоз движения — проклятие мира.

Высока ценность культуры во всех её видах. Честь нации в работе на культуру. Народам почёт постольку, поскольку они внесли свою долю в культуру человечества. Велика существенная важность труда, которым человек побеждает природу и творит мир — мир во всём.

Этическая основа охватывает всю действительность, всю человеческую деятельность. Ни одно деяние не избавлено от морального суда. Высока ценность красоты — хранилища народной памяти в сказаниях, языке, быте, строении. Красота — главнейшая духовная сила, движущая народами: она является приемственным и непрерывным творчеством народной души.

[1935 г.]

Рерих Н.К. Листы дневника. М.: МЦР, 1995. Т.2.

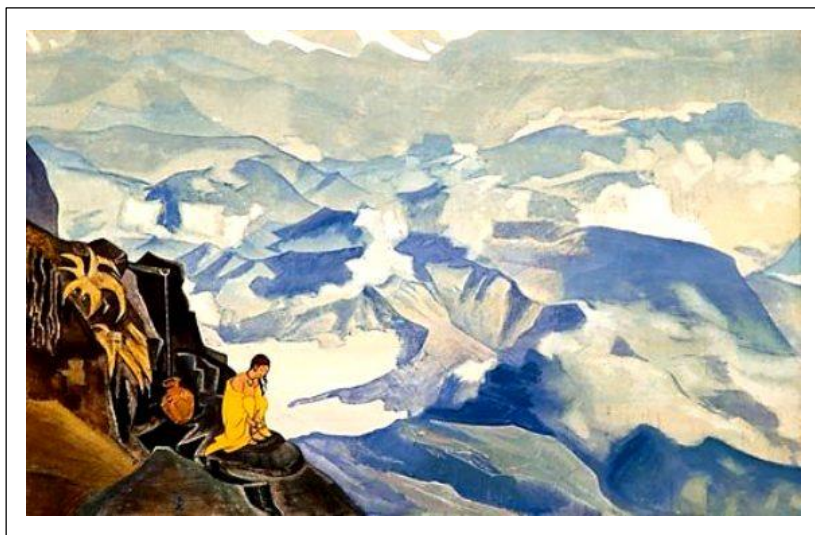
ПРОЛОГ

ВСТРЕЧА С Н.К. РЕРИХОМ

Москва, 1997 г., Государственный Музей Искусств народов Востока. У входа плакат, возвещающий о несколько необычном для нашего российского любителя искусства событии, а именно, о выставке компьютерных копий картин художника Н.К. Рериха. Первая реакция - недоверие: может ли какой-то компьютер передать всё многообразие чувств и знания такого великого и могучего мыслителя.

Но всё оказалось гораздо проще. Сердце! Оно никогда не подводило и на этот раз тоже не подвело. Всё в порядке.

Войдя в зал, я почувствовала необыкновенное волнение. Картины излучали всё тот же удивительно спокойный Свет, проникающий в самое сердце. Мой взгляд сразу же упал на картину «Капли жизни». Уже почти год, как я впервые увидела её в одной из книг Н.К. Рериха. С тех пор мне не давала покоя китайская легенда о Жёлтой Таре, послужившая основой для этой картины.

Н.К. Рерих. Капли жизни (Майтрейя). 1924.

«На берегу горного ручья девушка ждёт отца, но он не может ей показаться, потому что заколдован; ради спасения дочери он превратился в осоку. Дух Гималаев хотел взять его дочь в жёны, но отец уговорил его дать возможность дочери самой сделать выбор — найти спрятанный в горах образ отца или Духа.

Тогда дочь обратилась к Будде, чтобы он помог ей найти отца. Будда указал на разбитый кувшин на берегу источника и сказал:

- Видишь этот кувшин, он нуждается в ремонте. Если ежедневно, не покидая источника, даже ночью, ты будешь находить в реке хотя бы один осколок и склеивать кувшин, затем наполнишь кувшин водой из этого источника и польёшь эту осоку, ты увидишь своего отца...

Но выбор ты должна сделать сама...»

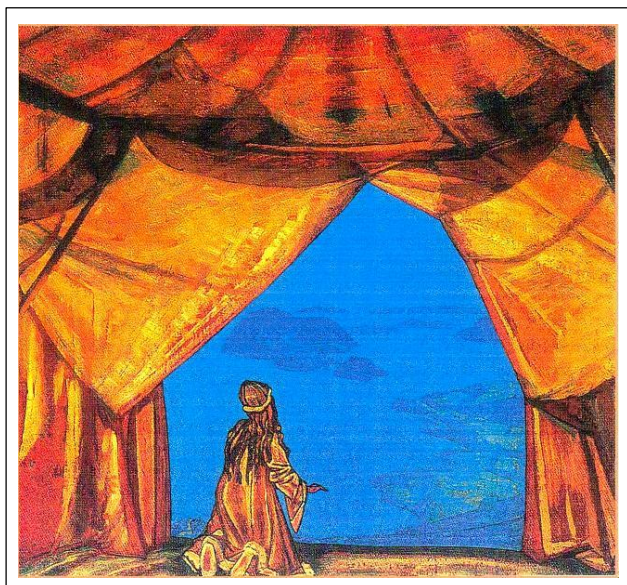
Я долго стояла перед картиной, и в какой-то момент меня озарило: разбитый кувшин и осколки — это всё, что мы сделали с творениями Николая Константиновича, разбросав его картины по всему миру, и особенно по Рос-

сии. Мне вдруг пришло решение до сих пор неразрешимой задачи: поверх всех вопросов собственности, поверх всех разногласий и споров, мы, все, кто помнит и любит Николая Константиновича Рериха, можем, объединившись, собрать всю коллекцию его картин в компьютерном варианте и создать во многих городах России и мира музеи Николая Константиновича. И ещё одна мысль пришла в голову. Если собрать все картины Рериха и как мандалу «Огненного ритуала»¹ складывать их в красивые тонкие узоры, то перед нами откроются во всём своём многообразии тайны Мироздания, т.е. «Агни Йога», воссозданная Николаем Константиновичем в живописи.

Так мы сможем воссоздать тот самый Храм Мира и Согласия, о котором так мечтали и положили первые камни в его основание Светлые Посланцы Иерархии.

Я переходила от картины к картине, и, по мере погружения в этот удивительный мир художника-мыслителя, неожиданно услышала Голос Безмолвия, тот близкий и такой знакомый Голос, зовущий к Прекрасному и Вечному. И в сердце зазвучали легенды, сказки, истории, ожившие на полотнах.

Уже при входе в третий зал я внезапно почувствовала притягательную силу чистых золотисто-жёлтых и голубых лучей, которые исходили от картины «Властитель ночи».

Н.К. Рерих. **Властитель ночи.** 1918.

На меня повеяло прохладой утра и необыкновенно радостного состояния девушки, которую только что посетил Учитель. Во мне зазвучали стихи Николая Константиновича:

**«И вошла ночь. И открыла намёт.
И вот она стоит на коленях.
Ушёл приказ. Ушло волхование.
И тогда пришёл Он, властитель.
Отступила Дакша. Замирая. И опустилась.
Он уже здесь. Всё стало просто.
Ах, как проста ночь. И проста звезда утра.**

¹Мандала «Огненного ритуала» - особое ритуальное изображение, символизирующее метафизику Вселенной.

**И дал Он власть. Дал силу.
И ушёл. Растаял.
Всё просто».²**

Да, всё просто, и в то же время непостижимо. Именно здесь, в центре Москвы, кипит бурная жизнь этого страшного, но такого прекрасного времени, предсказанного ещё в далёкие времена, - время Армагеддона.

В следующих залах я уже не могла без волнения смотреть на всё это чудодействие, сошедшее к нам из Обители Света. Увидеть сразу, в одном месте, столько бесценных картин нашего, да, именно нашего русского Великого Художника!

Внутри громко, призывно зазвучал Голос Владыки: **«Помогите строить Мою Страну!»**

И торжественно, с набирающей силу интонацией начал звучать Голос Николая Константиновича Рериха, Безмолвный Голос Учителя:

**Други, не верьте! Всё та же единая
Сила нас манит к себе неизвестная,
Та же пленяет нас песнь соловьиная,
Те же нас радуют звёзды небесные.
Правда всё та же. Средь мрака ненастного
Верьте чудесной звезде вдохновения,
Дружно гребите, во имя прекрасного,
Против течения!**

**Други, гребите! Напрасно хулители
Мнят оскорбить нас своею гордынею —
На берег вскоре мы, волн победители,
Выйдем торжественно с нашей святынею!
Верх над конечным возьмёт бесконечное,
Верю в наше святое значение.
Мы же возбудим течение встречное
Против течения!³**

*Москва, 2 февраля 1997 г.
Государственный Музей Востока*

² Публикуется по изданию: П.Ф. Беликов «РЕРИХ». Новосибирск, 1994. с. 135.

³ Стихи А.К. Толстого – любимые стихи Н.К. Рериха.

НАПУТСТВИЯ Н.К. РЕРИХА К СОЗДАНИЮ СИМФОНИИ ЖИЗНИ

OEUVRE (фрагменты)

«Ясное и в то же время почти непере译имое слово. Можно сказать, «творение», но всё-таки придётся согласиться в том понимании, в котором «oeuvre» вошло из французской литературы.

Об искусстве во всех его проявлениях принято судить очень легкомысленно. Кто-то прочёл два стихотворения и уже говорит о поэте. Кто-то увидел три-четыре картины или воспроизведения картин - и уже судит о художнике. По одному роману определяется писатель. Одна книга очерков уже достаточна для бесповоротного суждения за чашкой чаю».

«Целое творение - подобно ожерелью, подобранному в определённом порядке. Каждое произведение выражает тот или иной психологический момент творца. Жизнь художника складывалась из таких моментов. Нужно понять, почему произошла та или иная последовательность творения. Какие внешние и внутренние обстоятельства наслаивались и давали новую пищу творчеству...»

Поэтому насильственно вырывать непоследовательные осколки всего творчества - это значило бы судить о рисунке всего ожерелья лишь по одному или двум звеньям его.

Решительно во всех родах творчества - и в литературе, и в музыке, и в живописи - всюду нужно внимательное и бережное отношение. Каждому приходилось читать и слышать, как авторам навязывали многое, им совершенно не свойственное, цитируя лишь обрывки из их неразрывного потока мыслей. Ведь не только случайные люди берутся судить. В каждой области есть свои самоопределённые судьбы».

«Вспомним любого многотомного писателя. Можно ли судить о нём, не зная последовательно всех его трудов. Конечно, можно судить отдельные произведения автора, но тогда это будет суждение о произведении, но не обо всём творческом oeuvre. И не только как биография большой личности, но ещё более ценно следить накопление творчества и все пути его выражения. Вот тогда ещё раз вспоминается это удачное в смысле своём слово oeuvre. Оно заставляет особенно широко помыслить, заставляет очертить целое явление и широко рассмотреть его влияние и последствие.

«Сейчас, когда так много преломлений и смешений, каждое чёткое и честное и сердечное охватывание предмета будет особенно нужной современной задачей».

«Во время, когда и музыка, и сценическое искусство, и живопись подвержены всяким механизациям, именно тогда оценки творчества должны стать ещё точнее, глубже и обоснованнее. Именно теперь, когда современный уклад стремится к краткости, отрывчатости и случайности, тогда нужно особенно устремиться к оценкам на основе всего oeuvre.

Хотя и трудно пере译имое, но выразительное слово oeuvre».

25 Февраля 1935 г., Пекин

О «ЛИСТАХ ДНЕВНИКА»

Друзья, вы хотите читать дневник. Но его нет. Имеются разные записи, разновременные, разрозненные. Кое-что из них прошло через газеты и журналы. Всё это, как кусочки мозаики. Вот переживания в «Алтай-Гималаях», вот «Листы» из Монголии и Китая, вот теперешние сложные, грозные времена. Мозаичная запись — одно, а дневник, как вы его понимаете, - другое. Дневник — как бы каждодневная запись. Но при постоянном труде невозможно перебивать ритм и оценивать происходящее. (Рерих Н.К., «Голод»)

Как Вы знаете, я пишу всегда в форме Дневника. Листы Дневника даже издаются отдельными книгами, доказательством служат книги "Врата в Будущее" и "Нерушимое". Таким образом, *мои Дневники являются моим литературным материалом*. Если Дневники возвращаются в пределах Совета Trustees, то я против ничего не имел. Но каждая выдача их за пределы Совета Trustees могла быть сделана лишь с моего специального согласия. Поэтому, если Вы узнаете, так или иначе, что мои писания или Дневники, которые я Вам посылал вместо писем, злоупотребляются для каких-то внешних умышлений, то адвокаты прежде всего могут и должны защищать их как мою собственность.

Кроме того, твёрдо помните, что все Дневники, посылавшиеся Вам, писаны на машинке не мною самим. Все они диктованы. Вероятно, и вы убеждены в том, что в писаниях было немало описок, ибо человек, которому я диктовал, к сожалению, не был опытным секретарём. Также перевод делался, как Вы сами знаете, без моего ведома, и за точность его, конечно, я не отвечаю. Также Вы должны помнить, как я уже неоднократно заявлял Вам, что я удостоверяю лишь то, что подписано моим полным именем и собственноручно. То самое нужно сказать и о подписях Е.И. Все эти обстоятельства все наши адвокаты должны очень твёрдо запомнить, ибо вполне возможно, что злоумышленники делают всевозможные гнусные подтасовки. Например, *всюду, где имеются в виду сельскохозяйственные кооперативы, злоумышленники могут сказать, что это было нечто политическое. Но вы-то все знаете, что Наши Культурные Общества и организации решительно ничего политического в себе не содержат. И в странах, где каждый политический намёк был бы недопустимым, именно наши Общ[ества] не вызывают никаких противодействий со стороны местных правительств. Вы отлично знаете, что в наших программах всячески подчёркнута исключительно культурная деятельность.* (Из письма в Америку от 27.09. 1936 г.)

«Делаю земной поклон учителям. Они внесли в жизнь нашу новую опору. Без отрицаний, без ненавистных разрушений они внесли мирное строительство. Они открывали путь будущего...»

«Будет так, как должно быть.

Медведь вышел на меня, но я остался цел. Огонь касался меня, но не сгорел я. Подломился лёд подо мною, но не утонул я. В тумане остановилась повозка у стремнины, но не погиб я. Лошадь оступалась на горной тропинке, но удержался я. Терял накопленные богатства и не горевал я. Был призываем к власти, но не поддался. Злобная погоня неслась за мною, но не настигла. Клевета и ложь преследовали меня, но побеждала правда. Был обвиняем в убийстве человека, но пережил и это измышление зла. Сидел со злобными лукавцами, но уберёгся. Бедствовал с глупцами. Но устоял. Так было нужно. Это правда, никому не сказанная.

Сказал Иоанн: «Не болей, придётся много для Родины потрудиться». А ведь после болезни он не видал меня десять лет. И узнал. Остановил и сказал.

Во всех бедствиях приближались новые люди. Нежданные. И протягивали руку. И предупреждали зло. И несли помощь.

Вот стоим перед темнотою. Знаем властные зоны и провозвестия, не знаем происходящее.

Не знаю о друзьях. Не обменяю друзей моих на врагов. И горжусь, что эти друзья были друзьями. Знайте это, друзья мои.

И врагами моими горжусь. Врагами мне посланы те, кого постыдно было бы друзьями считать.

Назвать нашу жизнь бедной нельзя. Жизнь была особенной. Немногие её знали. Волком, в стае, я никогда не ходил. Пусть буду медведем, лишь бы волком не быть. Поймёте?

Делаю земной поклон учителям. Они внесли в жизнь нашу новую опору. Без отрицаний, без ненавистных разрушений они внесли мирное строительство. Они открывали путь будущего. Они облегчали встречи на пути. Встречи со злыми, встречи с глупыми и с безумными...

И природа помогала в этих встречах. В ней забывались люди. В ней копились силы против злобы и против глупости. Невежество и пошлость. Ещё страшнее злобы они.

Где оно - облако благодати, чтобы покрыть ожесточение сердца? Какою молитвою молчания можно вернуть тишину? Каким взором можно взглянуть в бездну неба? Все строения разрушаются бездонным творчеством облачным. Не в храм рукотворный, но в пустыню тишайшую отдам молитву мою. Выше облачных сводов не созидалось храмов. Ярче звёзд и луны не освещали огни торжеств. Измышления человеческие не испепеляли грознее молнии. Не уносили из жизни мощнее урагана. Где отличить то, что должно погибнуть, и то, что должно породить следствия. В великана Голиафа верили толпы, и что для них был Давид?

Среди безумия толпы, что им чудо? Какими бы словами ни говорить людям о чуде, они будут глухи к этим словам. Понятия вражды и ссоры им гораздо ближе. Нужно уничтожить всё, что угрожает и вредит мирному строительству,

знанию и искусству. Всякая распущенность мысли погибнуть должна. Всякая невежественность погибнуть должна.

Кончится чёрный век наш. Что произойдёт ещё?

Неужели ещё раз увижу себя расстроенным? Неужели ещё придётся уйти в тишину? Кто заставит меня сделать это? Как будут выглядеть эти люди? Но тогда, друзья, вы узнаете всё немедля, чтобы сердце ваше не ожесточалось напрасно. И тогда расскажу не только тебе, друг, но и другим, которых я ещё не узнал.

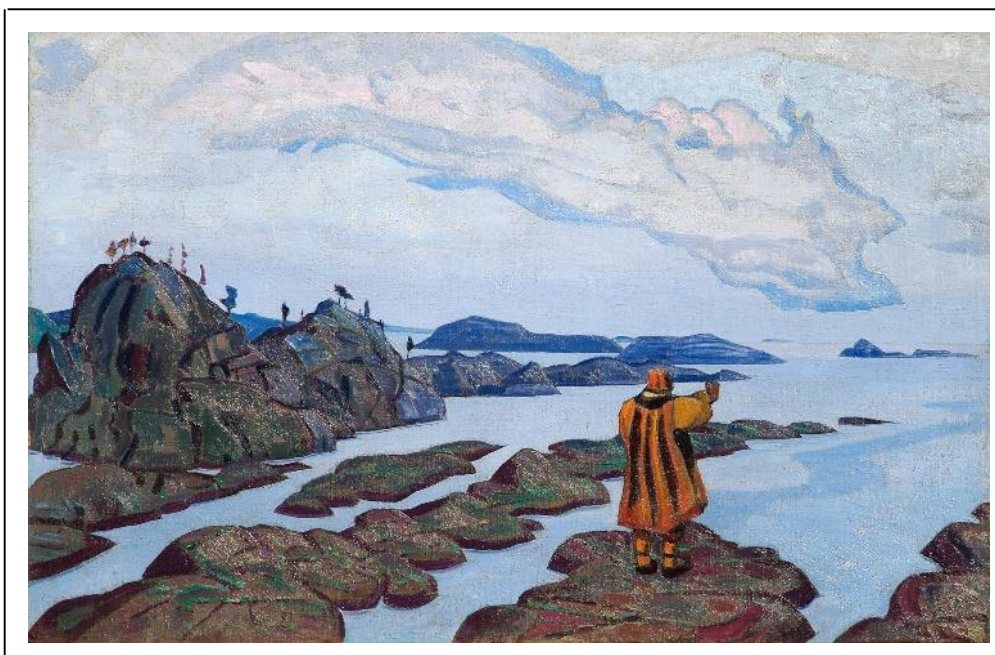
Расскажу смелым искателям, опьянённым загадками; расскажу чтецам звёздных рун, чьи души привлекаются песней. И там, где вы можете знать, вы будете презирать доказательства. Эти смешные нелепые показания свидетелей. Слепых и глухих. Друзья мои, я вас ещё не знаю, но вы уже проходите близко. Озарённые пламенем».

.....
Продолжу из [нашей милой белой книги]:

«Взирай лишь на дело, а не на плоды его. Да не будет побуждением твоим – плоды деятельности.»

«Отказываясь от привязанности, оставаясь одинаково уравновешенным в успехе и в неудаче, совершай деяния в слиянии с Божественным»

Н.К. Рерих
«Пламя», 1918

Н.К. Рерих. **Приказ.** 1917.

ЛИСТКИ ВОСПОМИНАНИЙ

Азия, Восток всегда привлекали внимание Николая Константиновича Рериха. Его интересовали общие корни славянства и индоиранцев, восточные истоки Древней Руси, красочный кочевой мир наших степей. И в художественном творчестве, и в научных исканиях художника Север, Русь с Великим Новгородом (ведь именно Н.К. Рерих был зачинателем раскопок Новгородского кремля) неизменно сочетались с Востоком, кочевым миром Внутренней Азии, миром древнеиндийской культуры и мысли.

Этим двум основным устремлениям художественного творчества и своего научного интереса Николай Константинович оставался верен всю свою творческую жизнь. Эти основные интересы его творчества навсегда остались как бы путеводными огнями на его пути художника и учёного.

С горным миром Внутренней Азии Николай Константинович соприкоснулся ещё в юности. Он вспоминал, как в эти годы его внимание привлекло изображение гигантского горного массива, висевшего в доме отца в Изваре. Это была Канченджунга («Пять сокровищ великого снега»), вторая по высоте вершина Гималаев, которую в дальнейшей своей жизни Николаю Константиновичу суждено было подолгу созерцать и запечатлеть на многих своих полотнах.

В доме отца Николая Константиновича частыми посетителями были профессоры монголоведы А.М. Позднеев и К.Ф. Голстунский. Своеобразный мир монгольской степи со всей присущей её героикой рано вошёл в жизнь Николая Константиновича. Впоследствии он выразил это в своей поэме «Чингизхан».

Степь и горный мир неотступно влекли к себе Николая Константиновича. Эти ранние устремления крепнут, созревают и становятся неотъемлемой частью всей второй половины его жизни. Взор его устремляется за снежные гряды Гималаев, к равнинам Индии, мысли и искусство которой давно и глубоко интересовали его. Ещё до первой мировой войны вместе с археологом В. В. Голубевым он обсуждает планы археологических экспедиций в Индию, участвует в комитете по построению вихары буддийского храма в Ленинграде. Так закладывался фундамент будущей долголетней работы непосредственно в Индии.

Буддийский храм в Петрограде. Фото 1915 г.

В 1923 году Николаю Константиновичу удаётся осуществить свою многолетнюю мечту. После больших персональных выставок в Финляндии, Швеции, Дании, Англии и США он отплывает из Франции в Индию, которая с этого времени на многие годы становится для него больше, чем полем творческой деятельности, становится тем, что индийцы называют «кшетра» - «поле делания, жизненная битва».

В Индию он приносит весть о русской культуре, а сам глубоко проникает в истоки древнеиндийской культуры. Он изучает памятники прошлого, собирает легенды, наблюдает жизнь индийского земледельца, в которой находит много общего с жизнью нашего славянства, с русским крестьянским укладом. К этой исконной общности Николай Константинович возвращается многократно и в своих литературных произведениях.

С конца 1923 года Н.К. Рерих работает в Гималаях, и горный мир этой «обители снегов» со всем его красочным блеском властно захватывает его. Сиккиму, небольшому горному княжеству в Восточных Гималаях, расположенному у подножия горного массива Канченджунга, посвящает он многие полотна. И в проникновенных словах пишет об этой чудесной горной области:

«Два мира выражены в Гималаях. Один - мир земли, полный здешних очарований. Глубокие овраги, затейливые холмы столпились до черты облаков. Курятся дымы селений и монастырей. По возвышениям пестрят знамёна, субурганы, или ступы. Входы тропинок переплели крутые подъёмы. Орлы спорят в полёте с многоцветными змеями, пускаемыми из селений. В зарослях бамбука и папоротника спина тигра или леопарда может гореть богатым дополнительным тоном. На ветках прячутся малорослые медведи, и шествие бородатых обезьян часто сопровождает одинокого пилигрима. Разнообразный земной мир. Суровая лиственница стоит рядом с цветущим рододендроном. Всё столпилось. И всё это земное богатство уходит в синюю мглу гористой дали. Гряда облаков покрывает нахмуренную мглу. Странно, поражающе, неожиданно после этой законченной картины увидеть новое надоблачное строение.

Поверх сумрака, поверх волн облачных сияют яркие снега. Бесконечно богато возносятся вершины - ослепляющие, труднодоступные. Два отдельных мира, разделённых мглой. Помимо Эвереста (Джомолунгма), сотни вершин Гималайской цепи превосходят Монблан. Если от Великой Рангит (река) осмотреть все подступы до снеговой черты и все белые купола вершин, то нигде не запоминается такая открытая стена высот. В этом грандиозном размахе - особое зовущее впечатление и величие Гималаев» (*«Струны Земли. Мысли о Сиккиме»*).

Читая эти строки, вспоминаешь полотна «Помни», «Капли жизни», «Жемчуг исканий» из серии произведений, посвящённых Сиккиму. Для Николая Константиновича горный мир Гималаев становится в те годы особенно близким, неисчерпаемым источником вдохновения. Художественные критики отметили это и назвали его «мастером гор», отмечая этим новое направление в творчестве Н.К. Рериха.

Для Николая Константиновича созерцание горного пейзажа не было просто любованием красотами природы. Оно отвечало его внутренним стремлениям глубокого проникновения в природу. Подобно старым китайским пейзажистам, сочетавшим глубокую философию с поразительным изобразительным искусством и чувством природы, Николай Константинович в полном

смысле слова живёт горным миром. Он наблюдает его во все часы дня и ночи и изображает его на своих полотнах. Ранним утром пишет он восход, то, что тибетцы - эти горцы - образно называют «це-шар» - сверкание вершин», когда снега загораются ослепительным светом в предрассветной мгле, которая медленно опускается в долины.

Запечатлевает он и яркую феерию заката, когда бесконечные горные гряды, подобно волнам моря, лиловеют в лучах заходящего солнца. Перед зрителем проходит вся гамма настроений горного мира: суровые недоступные вершины; область вечных снегов; облачное царство, скрывающие вершины во время летних дождей, когда туман на многие дни прячет от взоров красоты горной панорамы; грозные снежные бури, сопровождающие смену времён года. Все эти образы природы глубоко волновали Николая Константиновича. Он любил горы во всех их обликах: и в гнев снежного урагана, и в часы ночного бдения, когда в горах как-то особенно тихо.

Но для него уход в горы не был уходом от жизни. Подобно индийцам, древним и современным нам, он черпал в горах силы для дальнейшей работы. В горы он звал молодёжь, звал к здоровой жизни среди природы. Для него научная работа, кроме её чисто исследовательского значения, имела и глубокий воспитательный смысл. Он часто говорил, как по необъятной территории нашего Союза пойдут молодые силы в поисках нового в Сибири, в горах Средней Азии, продолжая этим славные традиции русских землепроходцев, этих строителей государства, вышедших из самой гущи народной.

С приездом в Индию для Николая Константиновича начался период его жизни, связанный с большими научно-художественными экспедициями по Внутренней Азии. В августе 1925 года во главе экспедиции, в которой приняла участие и его супруга Елена Ивановна, он покидает Кашмир и направляется в Ладак, часть Западно-Тибетского нагорья, входящего в Индию. Из Ладака по высочайшей в мире караванной дороге через перевал Каракорум экспедиция идёт в Таримский бассейн, в древний Хотанский оазис, который в раннем средневековье был одним из центров индийской буддийской культуры. В Хотане Николай Константинович приспосабливает под мастерскую загородный дом афганского аксакала (аксакал - торговый старшина) и пишет серию «Знак Майтрейи», на полотнах которой изображает буддийский мир легенд и суровую природу тибетского нагорья Чангченмо («Великий Север», так называется северо-западная часть Тибетского нагорья к скверу от Ладака).

Проведя почти целый год в Синьцзяне, Николай Константинович и его спутники направляются из столицы провинции г. Урумчи в Москву, откуда летом 1926 года посещают Алтай. Для Николая Константиновича Алтай на севере и Гималаи на юге были как бы полюсами единого грандиозного горного мира. Недаром дневники экспедиции, куда он заносил свои мысли, родившиеся во время странствования, были названы им «Алтай-Гималаи». Его мысленный взор охватывал весь необъятный простор Внутренней Азии, от вершин Алтая («Белухи», массив Табун-Богдо в Монгольском Алтае) до вершин Гималаев. Характерно, что снежная вершина Гэпанг, возвышающаяся над избранной Николаем Константиновичем для многих лет жизни долиной Кулу в Западных Гималаях, своими очертаниями живо напоминает далёкую северную Белуху.

С Алтая экспедиция переправляется в Монголию, в столицу Улан-Батор, который становится базой для подготовки дальнейшего пути через Монголь-

скую Гоби в Тибет. Здесь, в Монголии, путь экспедиции скрещивается с маршрутами прежних русских исследователей Центральной Азии - Н.П. Пржевальского и П.К. Козлова. После перехода через Монгольскую Гоби в провинцию Ганьсу (Китай) экспедиция провела несколько месяцев в Цайдаме и горах Наньшаня, где много и плодотворно работала. В Цайдаме начинается наиболее трудная часть всей экспедиции - переход через Северо-Тибетское нагорье, или Чантанг, суровую горную страну между хребтом Куэнь-Лунь на севере и Трансгималиями на юге. До верховий р. Нак-чу (верховье Сальвина) путь экспедиции местами совпадал с путём Н.М. Пржевальского. В области западных хоров, одного из главных племён кочевников Северного Тибета, путь экспедиции был преграждён местными властями, и участники были вынуждены провести суровую, исключительно снежную зиму 1927-1928 годов в крайне тяжёлых условиях на высоте 5000 метров. Об этом трудном времени Николай Константинович писал в своём дневнике: «На наших глазах погибал караван. Каждую ночь иззябшие, голодные животные приходили к палаткам и точно стучались перед смертью. А наутро мы находили их павшими тут же около палаток, и наши монголы оттаскивали их за лагерь, где стаи диких собак, кондоров и стервятников уже ждали добычу. Из ста двух животных мы потеряли девятьюстами двух. На Тибетских нагорьях остались и пять наших спутников».

На многих этюдах, привезённых Николаем Константиновичем из экспедиции, мы видим эту суровую природу Тибетского нагорья. «Огни пустыни» воскрешают перед зрителем картину тибетского стана ранним утром перед восходом. Среди костров темнеют так называемые «ба-нак» (чёрный шатёр) - палатки тибетских кочевников, сделанные из шерсти яка. На другом этюде мы видим летнюю палатку экспедиции, занесённую снегом и затерявшуюся среди снежного безмолвия нагорий.

После пяти месяцев стоянки экспедиция ранней весной 1928 года получила возможность продолжать путь на юг, единственный возможный для нас, принимая во внимание и состояние личного состава экспедиции, и немногих оставшихся в живых караванных животных.

Путь по области Великих Озёр, лежащий к северу от Трансгималаев, пролегал по местности, не затронутой прежними русскими экспедициями в Тибет и ещё малоизвестной науке. Через горный пояс Трансгималаев, мощной горной системы, простирающейся к северу от р. Цангпо (Брахмапутра), экспедиция перешла в Южный Тибет, в бассейн Цангпо. Здесь рождается серия картин «Твердыни Тибета», изображающих замечательные памятники тибетского зодчества раннего средневековья. Южный Тибет, прилегающий к северной границе Непала, изобилует памятниками прошлого, немногие из буддийских монастырей этой области представляют собой настоящие музеи древнеиндийского, непальского и тибетского искусства. Здесь был собран богатый научный материал.

В мае 1928 года экспедиция вновь вернулась в Сикким. Несмотря на все трудности пути, Николай Константинович привёз из экспедиции 500 полотен и этюдов. Кроме многочисленных зарисовок с седла, в тибетскую сюиту входят полотна, посвящённые народным легендам, богатому и красочному эпосу. Николай Константинович неоднократно возвращается к темам, связанным с монголо-тибетским национальным эпосом о царе Кэсаре (монгольский Гессер), поборнике социальной справедливости, с именем которого связаны мечты о светлом будущем народа. Ещё по сей день на скалах и камнях высекают

пастухи-кочевники символы, связанные с культом народного воителя, изображения мечей и горных козлов. Во время экспедиции Николаю Константиновичу удалось обследовать многие мегалитические памятники к северу от Трансгималаев, а также кочевое искусство, характерной чертой которого был «звериный» стиль, столь типичный для кочевого искусства всей Внутренней Азии и бытовавший среди кочевых племён различного этнического корня.

1929 год был годом необычайно интенсивного строительства в жизни Николая Константиновича. Музей его имени в Нью-Йорке переходит в новое здание. Основывается Институт гималайских исследований в долине Кулу в Западных Гималаях. Задачей института было всестороннее научное исследование гималайской горной страны и смежных областей Тибетского нагорья.

Этот институт должен был стать своего рода выдвинутой в горы комплексной экспедицией, причём по мысли основателя должен был носить всесторонний характер, охватывая как природу, так и человека, населяющего эту область. Ведь задачи научного исследования гималайской горной страны требовали многолетних работ на местах, чего не могли дать сравнительно кратковременные экспедиции. Основная база института была организована в долине Кулу. В верховьях р. Беаса в Пенджабе (Индия). На высоте 2000 метров. На горном кряже над рекой Беас, в окрестностях бывшей столицы княжества Кулу-Нагаре («нагар» соответствует русскому «вышгород») стоят здания института.

Здесь с 1930 по 1942 год проводились научные работы. Пока события мировой войны не заставили временно приостановить их. Институт гималайских исследований состоял из двух отделений - ботанического и этнолингвистического, которое также занималось изучением и разведкой археологических памятников. Ежегодно в начале лета, когда становились прохладными перевалы, на Тибетское нагорье и в высокогорные пояса Гималаев направлялись экспедиционные отряды. Так в течение ряда лет были обследованы области Ладак, Зангскар, Рупшу, Ханлэ, Спити, Гаржа-лахул. Многие годы работала летняя база института в окрестностях Кьеланга в Гаржа-лахуле, в долине реки Бхаги. В октябре отряды сотрудников института возвращались на свою базу в долину Кулу и проводили зимние месяцы в разработке собранных коллекций. Некоторые продолжали работу в предгорьях Гималаев, в долине Кангра и на склонах хребта Сивалик. Были собраны богатые ботанические коллекции, в разработке которых приняли участие доктор Е.Д. Меррилл, директор ботанического сада в Нью-Йорке и сотрудники Музея естественной истории в Париже. В Париже изучение ботанических сборов проходило под наблюдением профессора П. Лемуана, директора Музея естественной истории.

Многие годы с ботаническим отделением института сотрудничал ныне покойный индийский ботаник, профессор Шив Рам Кашьяп (Пенджабский университет). Обмен коллекциями был установлен и с Академией наук СССР, с Биологическим институтом в Пекине.

Не остался институт чужд и проблемам изучения космических лучей в высокогорных условиях. В третьем томе ежегодника института этому вопросу посвящена статья профессора Бенаде (Форман-колледж, Лахор).

Была собрана и богатая коллекция тибетской фармакопеи, причём в этих многолетних работах приняли деятельное участие и тибетские ламы-лекари. Сотрудники института составили индекс тибетских лекарственных трав. Так

была заложена необходимая база для дальнейших исследований и в этой области.

В области лингвистики институт специально занимался изучением тибетских наречий гималайского горного пояса и смежных областей Тибетского нагорья. Институтом была издана работа автора этих строк, посвящённая тибетскому наречию гаржалахул, принадлежащему к группе западно-тибетских наречий.

Одновременно собирались этнографические коллекции, иллюстрирующие культуру и быт различных племён гималайской горной области и Тибета.

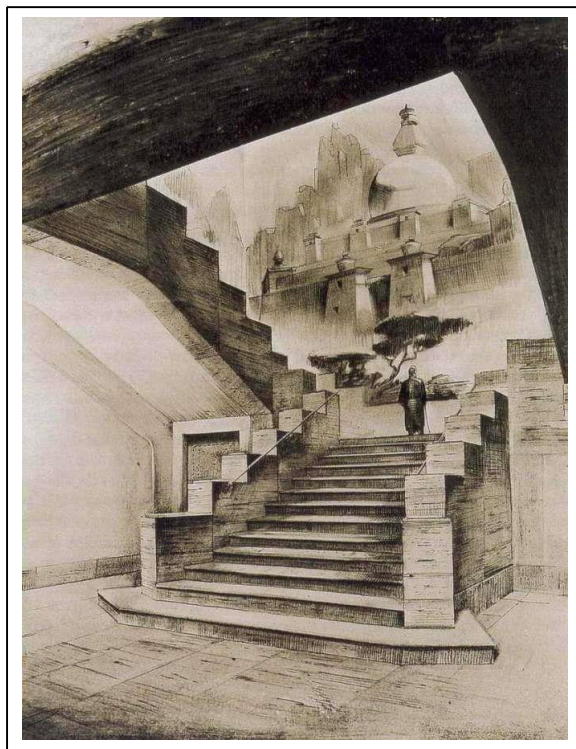
Институт, руководимый Николаем Константиновичем, внёс крупный вклад в дело познания Гималаев. Картины же Николая Константиновича на гималайские сюжеты, равно как и его литературные произведения, пробудили интерес к Гималаям. Сюда начали направляться многочисленные экспедиции.

События Второй мировой войны прервали мирный труд сотрудников института. Николай Константинович задолго до неё с тревогой наблюдал за надвигающимися событиями. И ещё в 1930 году он выдвинул идею Знамени Мира для охраны культурных памятников во время войны. Как известно, этот пакт был подписан в 1935 году и явился основой для международной конвенции, подписанной уже в послевоенное время в 1954 году в Гааге.

Смерть застала в 1947 году Николая Константиновича среди приготовлений к возвращению на Родину, которой он не переставал служить, оставаясь до последнего часа жизни русским.

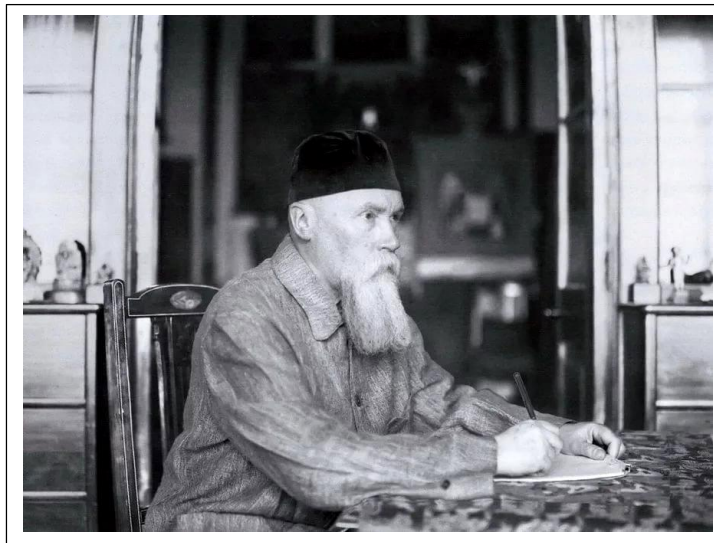
1960

Приключения в горах. Кн.1. М. 1961.

Н.К. Рерих. Эскиз интерьера Музея в Нью-Йорке. 1927.

К Нему...

Начатую работу Ты мне оставил.
Ты пожелал, чтоб я её продолжил.
Я чувствую Твоё доверие ко мне.
К работе отнесусь внимательно
И строго. Ведь Ты работой этой
занимался сам. Я сяду к Твоему
столу. Твоё перо возьму.
Расставлю Твои вещи как
бывало. Пусть мне они помогут.
Но многое не сказано Тобою,
когда Ты уходил. Под окнами
торговцев шум и крики.
Шаг лошадей тяжёлый по
камням. И гроыхание колёс
оббитых. Под крышею свист
ветра. Снастей у пристани
скрипенье. И якорей тяжёлые
удары. И птиц приморских
вопли. Тебя не мог спросить я:
мешало ли Тебе всё это?
Или во всём живущем Ты
черпал вдохновенье. Насколько знаю,
Ты во всех решеньях от земли
не удалялся⁴.

⁴ Стихи Н.К. Рериха «Не удалялся». Публикуется по изданию: «Цветы Мории». Берлин. 1921.

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

Вспоминаем, как распределилась жизнь.

Получится: сорок два года – Русь. Одиннадцать – Индия. Финляндия – два. Америка – три. Китай – два. Тибет – полтора. Монголия – один. Франция – один. Англия – год с четвертью. Швеция – полгода. Швейцария – полгода. Италия – четверть года.

Не считаю стран проездом – Германия, Япония, Голландия, Бельгия, Гонконг, Джибути, Филиппины, Египет. Прекрасный музей в Каире!»

Н.К. Рерих, «Подсчёты», 1940 г.

Из письма Н.К. Рериха в Америку от 1. 11. 1945 г.:

«Меня просили <...> написать большую автобиографию – было желание издать. Пришлось огорчить друзей – как её написать, слишком многое происходило, бесчисленны встречи, нельзя обойти события, невозможно перечислить битвы. Нет, нет, не хватает сил, да и от искусства такое писание оторвало бы – каждый день часов пять около картин. Да и забылось многое, а выкапывать старых покойников тоже невесело. Правильно замечают о многих ошибках, допущенных писателями, кто по неведению, кто по зависти. Исправлять всякую чепуху нерадостно...»

Из опыта И.Э. Грабаря:

«Приводя в порядок свою переписку давних лет, я сделал неожиданное и, каюсь, не слишком приятное для меня открытие: оказалось, что она обнимает, ни больше, ни меньше, как добрых полвека - свыше 2000 писем, полученных мною от лиц самых разнообразных положений, занятий, состояний, классов, начиная с детских школьных времён до наших дней. Почти все эти письма, ответные на мои; последние, конечно, в большей части погибли, но и ответные перенесли меня в далёкие дни детства, отрочества, юности, ранней возмужалости, воскресив в памяти давно минувшие дела, встречи, мысли, чувства.

Перечитывая их сейчас, я так уходил в прошлое, что уже не мог оторваться, и мне захотелось восстановить по ним летопись своей жизни. Мне казалось, что если не сама она, то события и факты, свидетелем которых мне довелось быть, люди, с которыми сталкивала судьба, их высказывания и воспоминания дают столь ценный материал для истории русской культуры, с одной стороны, и советского строительства - с другой, что я не вправе долее держать его под спудом.

Надо ли говорить, что главное содержание переписки - искусство, искусство и искусство. С детских лет до сих пор оно для меня - почти единственный источник радости и горя, восторгов и страданий, восхищения и возмущения, единственное подлинное содержание жизни. Пусть читатель, равнодушный к искусству, не заглядывает в эту жизненную повесть: она ничего ему не даст. Но я льщу себя надеждой, что тот, кого искусство волнует, кому ведомо могучее действие его сладостного яда, найдет здесь и новые для него факты и не всегда обычное освещение фактов, ему уже известных».

И.Э. Грабарь «Моя жизнь»

ВЕЛИКАЯ СИМФОНИЯ ЖИЗНИ

(Автобиография)

КНИГА 1

ИСТОКИ

ЧАСТЬ 1

ИСТОКИ

ЧАСТЬ 2

ГИНАЗИЯ

ЧАСТЬ I

ИСТОКИ

*«Лучше всего обернуться на
жизнь на расстоянии...»*

ЖИЗНЬ

Нелегко описать жизнь, в ней было столько разнообразия. Некоторые даже называли это разнообразие противоречиями. Конечно, они не знали, из каких импульсов и обстоятельств складывались многие виды труда. Назовём эти особенности жизни именно трудом. Ведь всё происходило не для личного какого-то удовлетворения, но именно ради полезного труда и строительства. На наших глазах много полезных деятелей обвиняли в эгоизме, ради которого они будто бы исключительно творили. Нам приходилось слышать такие обвинения и о Толстом, в отношении братьев Третьяковых, и о Куинджи, и кн. Тенишевой, и о Терещенко, и о многих других, слагавших незабываемо полезное народное сокровище. Завистники шептали, что все эти поборники и собиратели действуют исключительно из самолюбия и ожидают каких-то высоких наград. Когда мы говорили: «Но что, если вы клевете, и доброе строительство происходит из побуждений гораздо более высоких и человеческих?» - гомункулы усмехались и шептали: «Вы не знаете человеческой природы». Очевидно, они судили по себе, и ничего более достойного их мышления и не могло вообразить.

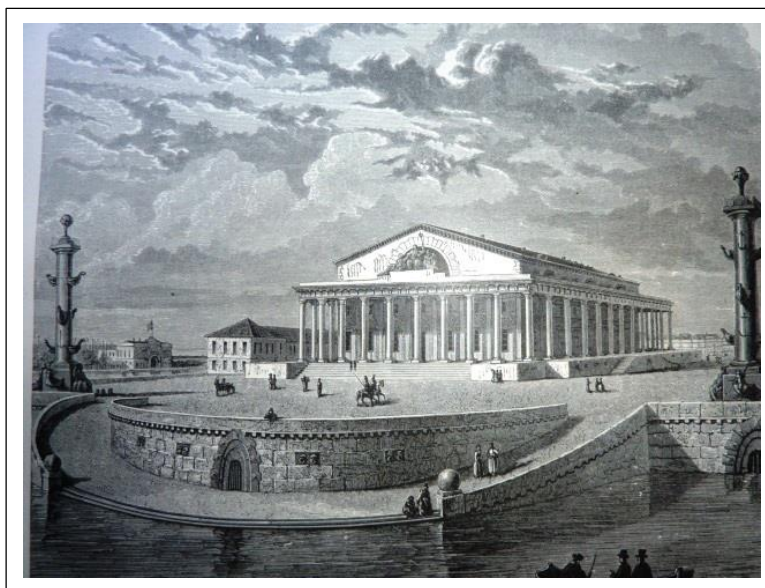
Даже дневник очень трудно вести. Не было тихих времён. Каждый день происходило столько неожиданного разнообразного, что на близком расстоянии часто совершенно невозможно представить себе, что именно будет наиболее значительным и оставит по себе продолжительный след. Иногда как бы происходит нечто очень житейски существенно, а затем оно превращается в пустое место. Лучше всего обернуться на жизнь на расстоянии. Произойдёт не только переоценка событий, но и настоящая оценка друзей и врагов. Приходилось писать: «друзей и врагов не считай» - это наблюдение с годами становилось всё прочнее. Сколько так называемых врагов оказались в лучшем сотрудничестве и сколько так называемых друзей не только отвалились, но и впали во вредительство, в лживое бесстыдное злословие. А ведь люди особенно любят выслушать таких «друзей». По людскому мирскому мнению, такие «друзья» должны знать нечто особенное.

Именно о таких «друзьях» в своё время Куинджи говорил, когда ему передали о гнусной о нём клевете: «Странно, а ведь этому человеку я никогда добра не сделал». Какая эпика скорби сказывалась в этом суждении. Но о радостях будем вспоминать, жизнь есть радость.

1937 г.

Н.К. Рерих. Из литературного наследия. Изд. «Изобразительное искусство». М. 1974.

САМОЕ ПЕРВОЕ

Стрелка Васильевского острова.
Гравюра конца 19 века.

На Васильевском славном острове,
Как на пристани корабельные,
Молодой матрос корабли снастил
О двенадцати белых парусах.

Тонким голоском пелась старинная петровская песня. А кто пел? Того не помню. Вернее всего, Марья Ильинишна, старушка, «гаванская чиновница», приходившая из Галерной гавани посидеть с больным, сказку сказать и о хозяйстве потолковать.

Университетская наб., 25/1. Открытка начала XX века.
(На 2-м этаже квартира, где жила семья Н.К. Рериха)

Так и жили на Васильевском острове, на набережной против Николаевского моста. Наискось было новое Адмиралтейство. На спуск военных судов приходили крейсера и палили прямо нам в окна. Весело гремели салюты, и клубились белые облачки дыма. На набережной стоял памятник адмиралу Крузерштерну. Много плавал, открыл новые земли. Запомнилось о новых землях.

А вот и первое сочинение – песня: «Садат бадат огинись азад. Ом коську диют, тебе апку дадут». Дядя Коркунов за такое сочинительство подарил золотые папочные латы. Двух лет не было, а памятки связались с Изварою, с лесистым помещением около станции Волосово, в сорока верстах от Гатчины. Всё особенное, всё милое и памятное связано с летними месяцами в Изваре. Название от индусского слова «Исвара». Во времена Екатерины неподалёку жил какой-то индусский раджа.

Дом изварский старый, стены, как крепостные, – небось, и посейчас стоит. Всё в нём было милое. В прихожей пахло яблоками. В зале висели копии голландских картин в николаевских рамах. Большие угольные диваны красного бархата. Столовая ясенева. Высокий стенной буфет. За окнами старые ели. Для гостей одна комната зелёная, другая – голубая. Но это неважно, а вот важно приехать в Извару. Шуршат колёса ландо по гравию. Вот и белые столбы ворот. Четвёрка бежит бойко. Вот-то было славно! Желанка, Красавчик, Принц и Николаевна. Кучер Селифан. Деревни – Волосово, Захонье, Заполье – там даже в сухое время лужи непролазные. От большой дороги сворот в Извару.

Ландо шуршит по гравию мимо рабочего двора, среди аллей парка. А там радость. За берёзами и жимолостью забелел дом. И всё-то так мило, так нравится, тем-то и запомнилось через все годы.

Нужно сразу всё обежать. Со времён екатерининских амбар стоит недалеко от дома – длинный, жёлтый, с белыми колонками. Должно быть, зерно, верно, хранится подле хозяйского глаза. По прямой аллее надо бежать к озеру. Ключи не замерзают. Дымятся, парят среди снегов. Вода светлая и ледяная. Дикие утки и гуси тут же у берега. На берегу озера молочная, из дикого камня – очень красиво, вроде крепостной стены. Такой же старинной постройки и длинный скотный двор. Быки на цепях. К ним ходить не позволено. Такие же длинные конюшни. За ними белое гумно, картофельные погреба. Один из них сгорел. Остались валы – отлично для игры в крепость.

После города первый обход самый занятный. Всё опять ново. Назавтра опять станет хотя и милым, но обычным. А в первый день – всё особенное. Новые жеребята, новые щенки, новый ручной волк. Надо навестить Ваську и Мишку – малышей вроде шотландских пони. Их потом подарили казённому лесничему, а ведь они считались моими.

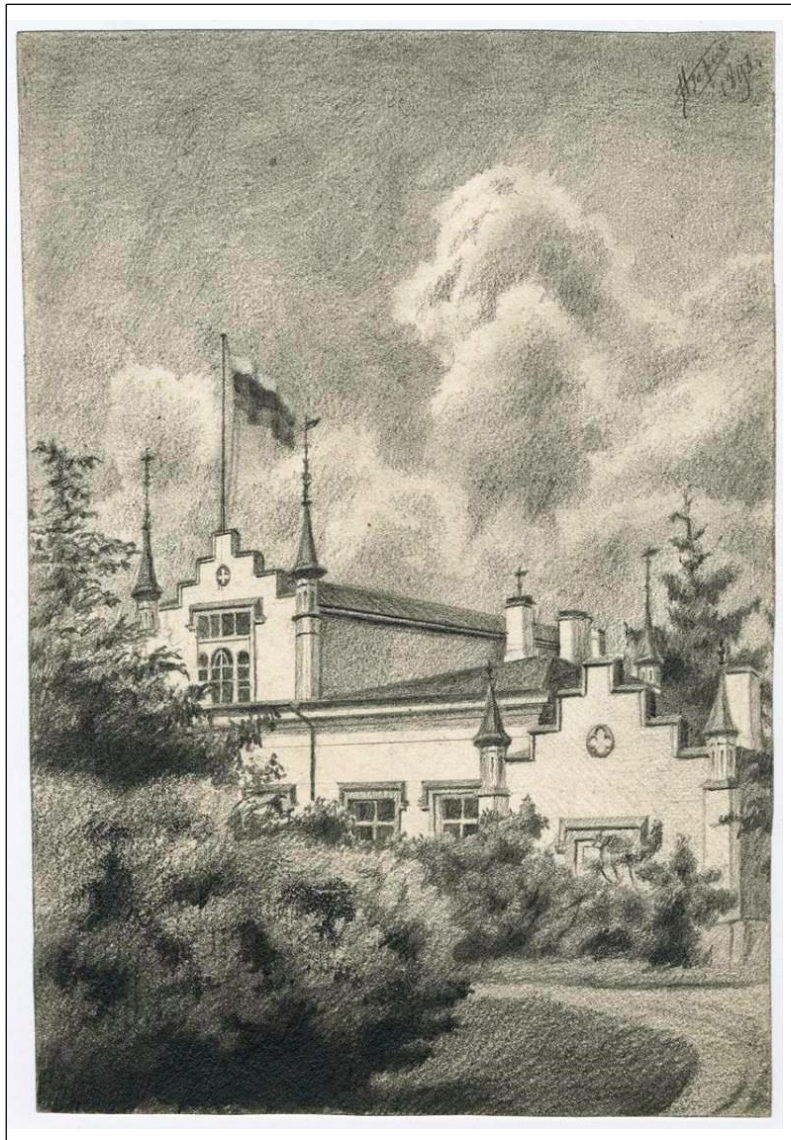
Вот бы припомнить самое первое! Самое раннее! Тоже из самого раннего: старинная картина – гора на закате. Потом оказалось не что иное, как Канченджунга. Откуда? Как попала? В книге Ходсона была подобная гравюра. Картина или гравюра с картины? Были какие-то старинные вещи, но их как-то не ценили. В те годы отличную мебель выбрасывали на чердак и заменяли мягкой бесформенностью.

Вот бы вспомнить что-нибудь самое первое! Самое раннее! Вспомнишь и то и другое, но всё это не самое первейшее.

1937 г. (Лист дневника № 2.)

Николай Рерих. Зажигайте сердца. Изд. "Молодая гвардия". 1975 г.

ИЗВАРА

Н.К. Рерих. Вид Изварской усадьбы. 1893 г.

«Дом в Изваре был одноэтажным и добротным. Фасад и углы украшали башенки. Нездешний знак, который можно видеть в розе витражей готических соборов средневековой Европы, дважды повторялся на стенах дома. Знак этот иногда означает пророка. Кто поставил его на доме – сказать трудно. Дом был старинный и принадлежал не одному владельцу. Нотариус купил у поручика лейб-гвардии Преображенского полка Веймарна. К готическим знакам дома поручик не имел никакого отношения. Он ничего не знал также и о картине, которая висела в одной из комнат дома. На картине была изображена огромная снежная гора, скорее не гора, а целый хребет...»

ЗНАКИ ЖИЗНИ

Вблизи нашего поместья была мыза, ещё во времена Екатерины Великой принадлежавшая какому-то индусскому радже. Ни имени, ни обстоятельства его приезда и жизни история не донесла. Но ещё в недавнее время оставались следы особого парка в характере могульских садов, и местная память упоминала об этом необычном иностранном госте. Может быть, в таком соседстве кроется и причина самого странного названия нашего поместья - Ишвара или, как его произносили - Исвара. Первый, обративший внимание на это такое характерное индусское слово, был Рабиндранат Тагор, с изумлением спросивший меня об этом в Лондоне в 1920 году. Сколько незапамятных и, может быть, многозначительных исторических подробностей заключило в себе время Екатерины со всеми необыкновенными иноземными гостями, стекавшимися к её двору.

Помню, как в приладожских местностях, среди непроходимых летом болот, один наш приятель архитектор нашёл признаки давно покинутой, екатерининских времён, усадьбы с ещё обозначившимся огромным парком и заросшими угожьями. Среди соседних сёл сохранилось лишь смутное предание о том, что здесь жила одна из фрейлин Екатерины, приезжавшая в отрезанную усадьбу ещё по зимнему пути и остававшаяся безвыездно до осенних заморозков. В самом построении такой необычайной, трудно достигаемой усадьбы уже заключалось что-то необыкновенное. Но даже на таком, сравнительно коротком протяжении времени, народная память уже ничего не сохранила.

Как же мы должны не сетовать на приблизительность о давних исторических событиях, когда в течение столетия уже совершенно изглаживаются, может быть, очень замечательные подробности быта.

Помню, как однажды на Неве, в местности так называемой Островки, было случайно открыто петровских времён кладбище. Среди могил оказалась гробница какого-то сановника первого класса, судя по вышитым на остатках камзола регалиям. Значит, место должно быть довольно известным и само лицо первого класса - историческим. Но никто не помнил ни об этом сановнике, ни даже о самом случайно открытом кладбище.

Также помню, как однажды в Александро-Невской Лавре, под храмом, пропала именная могила Разумовского. На его месте почему-то поместился совсем другой генерал, и только на старинном плане могил собора ещё значился первый насельник этого исторического места успокоения. Значит, ни знатность, ни внимание потомков всё же не уберегли исторический памятник.

Вспоминаю это к тому, что, по пушкинскому выражению, люди так часто бывают «ленивы и нелюбопытны». Мало того, они часто любят глумиться над археологией, генеалогией, геральдикой и вообще над историческими науками, обзывая всё это ненужным хламом и пережитками.

Среди такого невежественно-презрительного отношения ко всему бывшему не замечается никакой светлой устремлённости к будущему. Если бы кто-то сказал, что ему некогда думать о прошлом, ибо всё его сознание устремлено лишь в будущее, тогда можно бы пожалеть о его ограниченности, но всё же понять эту своеобразную устремлённость. Но когда люди по лености и нелюбопытству даже о ближайшем прошлом забывают, а в то же время по убожеству и косности не позволяют себе даже помыслить о будущем, тогда получается какое-то живое состояние организма, ибо организм лишь пищеварительных функций не может быть существом человеческим. Вы можете с прискорбием наблюдать, как люди упорно отказывают себе в познании, до сих пор считая, что многое прочтённое ими или совратило бы или отврати-

ло бы их от чего-то. Даже теперь приходилось видеть якобы образованных людей, которые, не стыдясь, уверяли, что грамота приносит лишь несчастье народу, и некоторые присутствующие втайне сочувствовали такому убожеству. В таком случае действительно знание обращалось в суеверие, и предрассудки замещали разумные познания. Не будем думать, что эти мысли относятся лишь к прошедшим временам. Мы видим и сейчас во множестве случаев потрясающую умственную неподвижность и затхлость. И посейчас можно, казалось бы, в просвещённых городах Европы узнавать о людях, никогда в течение жизни своей не выходящих за пределы своего родного города и с гордостью признававшихся в такой неподвижности. Мало того, бывали случаи, когда люди во всю жизнь не переходили моста в своём городе и считали это как бы семейной традицией. И в то же время из далёких пустынь Азии выходили многозначительные вести о том, как путешествие признавалось необходимой частью образования. Казалось бы, все хорошие традиции должны были бы лишь эволюционно развиваться, но на деле часто выходит иначе, и какие-то тёмные ограниченности продолжают торчать, как изъеденные кочки среди светлого потока.

Всё как в великом, так и в малом. Кто пренебрегает наблюдательностью за окружающим, тот не взвесит и волн исторической последовательности.

Когда говорится о том, что от самых первых школьных дней в учащих должна быть развиваема и глубокая наблюдательность, и внимательная заботливость, и бережность, это не будет педагогической скукой, но наоборот - лишь естественным и живым подготовлением к бодрой, настоящей жизни.

Так же и в домостроительстве, в чистоте, в культурности всех взаимоотношений основою будет не условие благосостояния или богатство, но именно утончённость сознания, которая породит чистоту, привлекательность и созидательное доброжелательство.

Нельзя безнаказно уничтожить. В естественной эволюции одни формы перерастают предыдущие. Но такое улучшение форм не имеет ничего общего с тлением разрушения. Когда мы твердим о внесении в жизнь взаимоуважения, познания, охранения всего прекрасного - это не касается только прошлого как такового. В каждой бережности к творческому сокровищу уже заключается преддверие к будущему. Потому всякое живое изучение процессов жизни и творчества никогда не будет отвлечённым. Но именно будет жить во всей своей способности нового творчества и созидания.

В изучении созидательства заключено и понимание реальности. Инстинктивно люди восстают против отвлечённого, абстрактного, противопоставляя его всему живому и существенно нужному. В конце концов, всякая абстрактность есть только символ нежизненности. Великая реальность всего сущего во всех своих многообразнейших проявлениях противопоставляет себя так называемой отвлечённости. Всякое живое изучение уже есть привлечённость, а не отвлечённость. Живой молодой ум не увлечётся чем-либо абстрактным, предпочитая ему жизненное. В этом будет совершенно естественная потребность в устремлении ко всему прекрасному жизненному.

Потому, когда зовём изучать прошлое, будем это делать ради будущего. Потому что, когда указываем беречь культурное сокровище, будем это делать не ради старости, но ради молодости. Когда упоминаю о взаимоуважении, о бережности и об осмотрительности, будем иметь в виду именно качество истинного строителя. Среди этих качеств строитель запасёт и трудолюбие, и дружелюбие, и мужество.

18 Декабря 1934 г. Пекин

«Новая заря», Париж, 17 ноября 1937 г.

Публикуется по изд.: Николай Рерих. «Листы дневника». М. 1995.

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

"У меня есть отрывочные, но очень яркие картинки поместья: аллеи с бордюром из белого камня; гравий летит из-под копыт боковых лошадей чётвёрки управляемых кучером Селиваном; белый дом с его флигелями и крепостями был подобен стенам времён Екатерины Великой; широкий двор и зелёный газон перед главным входом; своеобразный запах, когда мы приезжали туда в зимнее время не надолго: запах пустого дома спешно протопленного. Большой парк окружал дом и спускался до самого озера: последнее обладало чудесными родниками и граничило с императорскими охотничьими угодьями, расстилавшимися огромным лесом, где можно было встретить медведя и лося; количество комаров летом было такое, что случалось, когда люди были буквально съедены заживо. Рядом с лесом простирались безграничные поля ржи, в которых в изобилии была разбросана цветущая кукуруза".

Н.Селиванова «Мир Рериха». 1922.

Беседка-грот в Изварском парке. Фото 1902 г.

* * *

Именьё "Извара" СПб. Царскосельского уезда, Сосницкой волости. (По Балтийской жел. дор. станция Волосово, езды скорым поездом от СПб. 2 часа, пассажир. 2 $\frac{3}{4}$).

Мызная земля начинается в 2 $\frac{1}{2}$ - 3 вёрст от станции ж.д., сама же усадьба в 9 $\frac{1}{2}$ верстах от станции; сообщение по земской, ныне заново шоссированной, дороге.

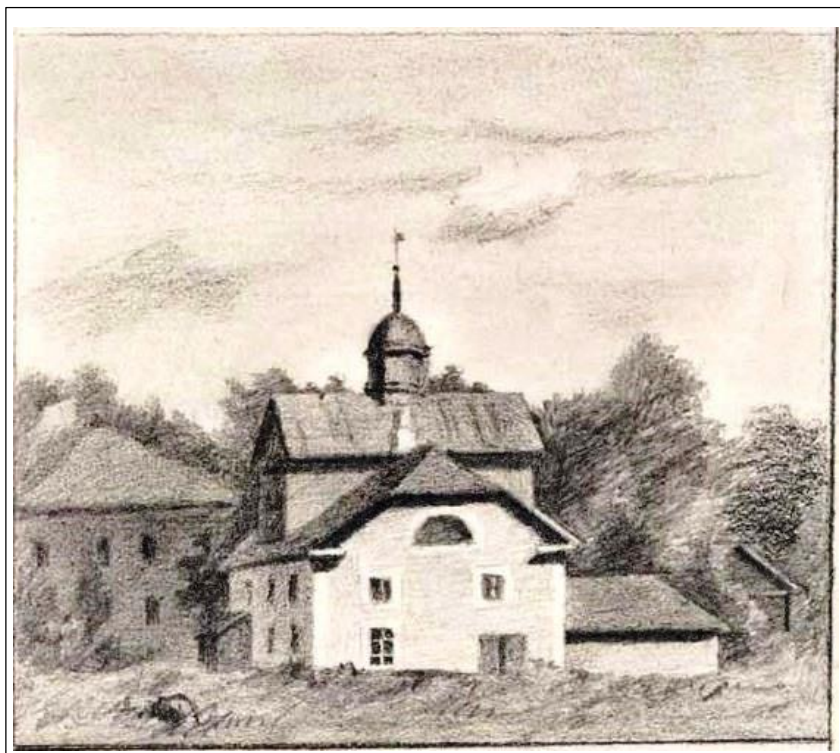
Всей земли 1385 десятин. Лесу до 500 десятин. Состав леса смешанный; частью строевой, частью дровяной, хвойный и лиственный. Земли пахотной

около 550 десят. Лугов (частью заливных) 100 дес. Остальное под озёрами, речками, дорогами, болотом и выгоном.

Озёр на мызной земле 3, причём все возникают из лесных ключей, а одно берёт начало в самом парке усадьбы. 2 речки, из которых одна в дальнейшем течении становится сплавной и затем впадает в р. Лугу. В озёрах и реках рыбная ловля: форели, хариусы, щуки, караси и т.п. В лесах имения значительная охота, которой благоприятствует, что в ограничивающей с 3-х сторон лесной казённой даче, дичь особенно охраняется, так как казённая

дача отписана под Высочайшую охоту. В 1 версте от усадьбы находится: земский доктор, больница и казённое лесничество. В 2 верстах погост и церковь. Мызная постройка следующая: барский дом в 12 комнат, одноэтажный с мезонином, каменный, крытый железом; скотный двор и конюшня каменные крытые частью лучиной, частью соломой; большой 2-х этажный деревянный дом; 2 этажный (низ каменный, верх деревянный) дом для рабочих, где помещалось 12 семей; сарай деревянный на каменных столбах для экипажей и хлеба; молочная 2-х этажное каменное здание крытое толлом, прежде служившее помещением винокуренного завода; большой каменный сарай; амбар деревянный, крытый лесом; ...

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/48, л. 19.

НК. Рерих. Изварская винокурня. 1893.

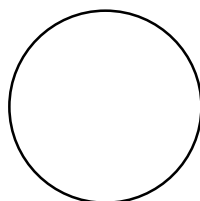
18 мая 1873 г.

СТРАХОВОЙ ПОЛИС, ВЫДАННЫЙ «СЕВЕРНЫМ ОБЩЕСТВОМ» РЕРИХ М.В.

**СЕВЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
СТРАХОВАНИЯ И СКЛАДА ТОВАРОВ
С ВЫДАЧЕЙ ВАРРАНТОВ**

ЗАСТРАХОВАННАЯ СУММА
РУБ. **70.090.**

НАЧАЛО СТРАХОВАНИЯ
29 Ноября 1872 г.
ОКОНЧАНИЕ СТРАХОВАНИЯ
29 Ноября 1873 г.

ПРЕМИЯ
РУБ... **574. 74.**
Пошлина.....**3...54.**
Портовые.....**75.**
ИТОГО...579.
Предварительное Свидетельство
№

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное 31-го Мая 1872 г.

Основной капитал 3,000,000 Руб. Сер.

Полис № 000650.

Правление СЕВЕРНОГО ОБЩЕСТВА выдало сей страховой полис *Г. Жене Нотариуса Марии Васильевне Рерих* в том, что оно приняло на свой страх от огня имущество состоящее *С.-Петербургской губернии, Царскосельского уезда, 2 стана, Мыза «Извара».*

Р.С. 8000. А. Господский дом каменный крытый железом.

1200. Б. Молочная деревянная крытая деревом.

1150. В. Амбар.....».....».....».....

2200. Г. Скотный двор каменный крытый соломой.

1030. Д. Птичий двор деревянный крытый деревом.

400. Е. Телятник.....».....».....».....

6.400. Ж. Винокурный завод каменный.....».....

3.600. -- Внутреннее устройство

без участия.

440. З. Кузница каменная крытая деревом.

162. Й. Сарай деревянный крытый деревом.

4.500. И. Скотный двор каменный крытый соломой.

2.267. К. Экипажный сарай смешан.».....».....

3.150. Л. Конторский дом.....».....».....деревом.

250. М. Ледник деревянный».....».....

2.540. Н. Гумно каменное крытое соломой.

300. - Конный (двор) привод в нем.

400. О. Навес деревянный крытый деревом.

37.989. Транспорт

Р.С. 420. П. Рига каменная крытая деревом.

400. Р. Сенной сарай деревянный крытый деревом.

2.500. С. Водяная мельница смешан.».....».....

200. Т. Хлебный сарай деревянный крытый деревом.

870. У. Харчевня деревянная крытая деревом.
440. Ф. Конюшня и сарая дерев.....».....».....
200. Х. Навес и забор деревянные крытые деревом.
600. Ч. Ветряная мельница ..».....».....».....
420. Ш. Дом мельника деревянный.....».....».....
210. Щ. Сарай деревянный крытый деревом.

44.525.

500. 8-мь повозок (13 двукон.).
267. Упряжка и земледельческие орудия.
1.770. 30-ть голов скота. (лошад.)
500. Земледельческие орудия, <....>
7.260. 72 головы рогатого скота.
15.335. Новый урожай в строен. А, В, Г, К, Н, О, П и Р. Капитал в обороте

70.090. Транспорт.

В силу этого полиса СЕВЕРНОЕ ОБЩЕСТВО обязуется выплачивать страхователю, на основании ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного устава своего и пропечатанных на обороте правил, за все убытки, которые произойдут в застрахованном по сему полису имуществе от неумышленного пожара в течение срока страхования.

С. Петербург, 18 Мая 1873 г.

Директор-Распорядитель (подпись)

Члены Правления (2 подписи)

Р.С. 70.090. Транспорт.

Оценка урожая:

в Ноябре, Декабре, Январе ·/1..... = 15.335.
в Феврале, Марте, Апреле, Мае $\frac{3}{4}$ = 11.500.
в Июне и Июле $\frac{1}{2}$ = 7. 660.
в Августе, Сентябре и Октябре ·/1 = 15. 335.

В залог:

в сумме Р.С. 19000 у Статского Советника Константина Петровича Веймарна.

НА ОДИН ГОД

УСЛОВИЯ⁵

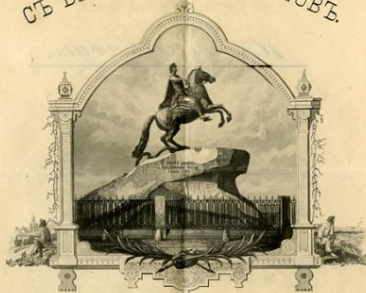
Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1857, 1 л.:

⁵ Условия см. Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1857, л. 1 об.

Страховой полис.

НА 1854

СЪВЕРНОЕ ОБЩЕСТВО СТРАХОВАНИЯ И СКЛАДА ТОВАРОВЪ СЪ ВЫДАЧЕЮ ВАРРАНТОВЪ

ЗАСТРАХОВАННАЯ СУММА

РУБ. 70000.

НАЧАЛО СТРАХОВАНИЯ:

29. Июля 1872 г.

ОКОНЧАНИЕ СТРАХОВАНИЯ:

29. Июля 1873 г.

АГЕНТСТВО

б. н.

ПРЕМИЯ

РУБ. 577.

Пошлина - 2. 51.

Портовая - 75.

Итого Руб. 577.

Предварительное Свидѣтельство

№

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное 31-го Мая 1872 г.

ОСНОВНЫЙ КАПИТАЛЬ 3,000,000 РУБ. СЕР.

ПОЛИСЪ № 000650.

Правление СЪВЕРНАГО ОБЩЕСТВА выдало сей страховой полисъ 5 Июля 1872 года в томъ, что оно приняло на свой страхъ отъ себя именуемаго *Митрофановъ губернии Черноморскаго уѣзда, 2-го участка, Младш. Царяка.*

2000. А. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 1200. Б. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 1150. В. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 2200. Г. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 1050. Д. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 400. Е. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 6400. Ж. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 2600. — Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 440. З. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 160. И. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 4500. К. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 2267. Л. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 3150. М. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 250. Н. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 2340. О. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 200. — Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 400. П. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 37987. Земледельц. дача казенной деревни Александровской.	2000. А. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 1200. Б. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 1150. В. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 2200. Г. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 1050. Д. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 400. Е. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 6400. Ж. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 2600. — Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 440. З. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 160. И. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 4500. К. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 2267. Л. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 3150. М. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 250. Н. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 2340. О. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 200. — Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 400. П. Земледельц. дача казенной деревни Александровской. 37987. Земледельц. дача казенной деревни Александровской.

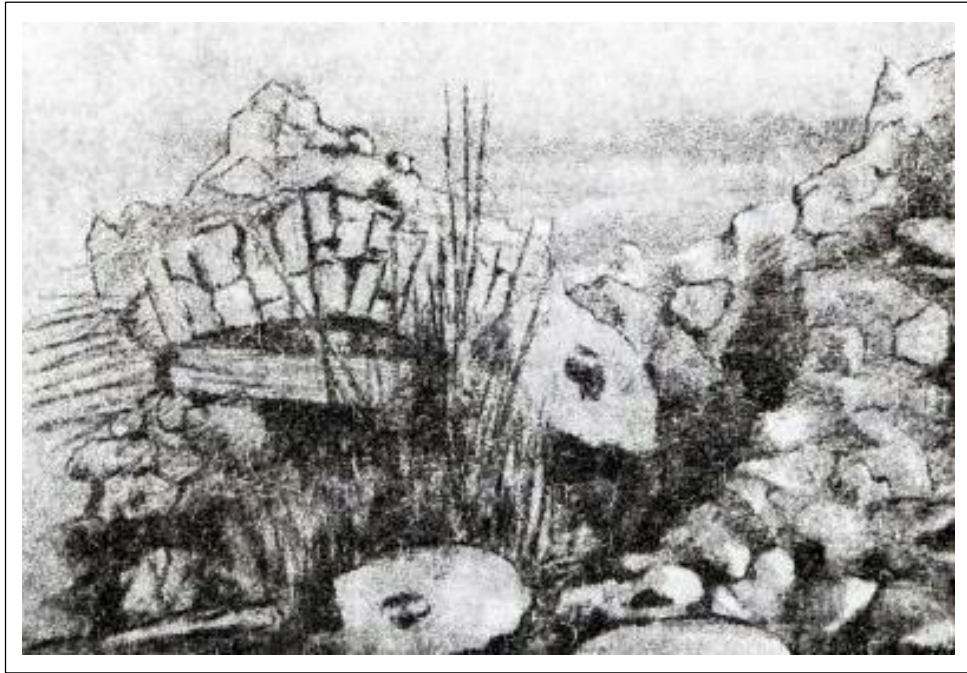
всего въ суммѣ Семидесяти тысячъ Семи сотъ Рублей на двѣнадцать летъ сего года и на двѣнадцать лѣтъ со дня вступленія въ силу сего закона 1872 г. и на двѣнадцать лѣтъ со дня вступленія въ силу сего закона 1873 г. и на двѣнадцать лѣтъ со дня вступленія въ силу сего закона 1874 г. и на двѣнадцать лѣтъ со дня вступленія въ силу сего закона 1875 г. и на двѣнадцать лѣтъ со дня вступленія въ силу сего закона 1876 г. и на двѣнадцать лѣтъ со дня вступленія въ силу сего закона 1877 г. и на двѣнадцать лѣтъ со дня вступленія въ силу сего закона 1878 г. и на двѣнадцать лѣтъ со дня вступленія въ силу сего закона 1879 г. и на двѣнадцать лѣтъ со дня вступленія въ силу сего закона 1880 г.

Въ силу сего полиса СЪВЕРНОЕ ОБЩЕСТВО обязуется вылатывать страхователямъ, на основаніи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденаго устава сего и прописанныхъ на оборотѣ правилъ, за всѣ убытки, которые произойдутъ въ застрахованномъ по сему полису имуществу отъ пожара въ теченіе срока страхованія.

С. Петербургъ, 18-го Мая 1872 г.

Директоръ-Рапордатель *К. К. К.*

Члены Правленія: *А. Б. Б., К. К. К., С. С. С., Д. Д. Д., И. И. И., М. М. М., Н. Н. Н., О. О. О., П. П. П., Р. Р. Р., Т. Т. Т., Ф. Ф. Ф., Х. Х. Х., Ц. Ц. Ц., Ш. Ш. Ш., Щ. Щ. Щ., Ъ. Ъ. Ъ., Ы. Ы. Ы., Ь. Ь. Ь., Э. Э. Э., Ю. Ю. Ю., Я. Я. Я.*

Н.К. Рерих. **Развалины**. 1893.

КАМНИ ПРОКЛЯТЫЕ

(фрагмент)

Как часто проходим мы мимо нашего счастья, не замечая его, не взглянув на него, а если и взглянем, то не узнаем его». Бомбейский журнал напечатал мой очерк «Эти проклятые камни». Там пример сужденной серебряной горы из жизни Китая. И в нашей жизни было нечто подобное. В версте от Извары с детства моё внимание привлекали какие-то странные развалины. Точно бы обвалившиеся стены и полузаросшие груды чего-то белого. Мне пояснили, что тут давно была устроена большая известковая печь, но обжиг не удался, и даже разрушены были толстые стены.

Говорили, что известь получилась совершенно негодная и только развалила печь. Так мы и знали о каких-то проклятых негодных камнях. Много лет прошло. В 1926 году, когда мы были в Москве, пришлось прочесть об открытии ценнейшего вещества.

По описанию места я понял, что это не что иное, как наши «проклятые камни». Конечно, они не годились для извести. И вот все мы ездили мимо этого места, заглядывали на развалины, удивлялись, но никто не ожидал «ценнейшего вещества». Пожалуй, изварские родники окажутся целебными и ценнейшими. В очерке «Проклятые камни» говорилось о серебряной горе в Китае, но много таких кладов захоронено».

Рерих Н.К. Листы дневника М. 1996., т. 3 (13 Мая 1944 г.)

АРХЕОЛОГИЯ

«Ничто и никаким способом не приблизит так к ощущению древнего мира, как собственноручная раскопка и прикосание, именно первое непосредственное касание к предмету большой древности».

Н.К. Рерих

Н.К. Рерих. Курганы Ижорского плато. 1896.

Около Извары почти при каждом селении были обширные курганные поля от X века до XIV. От малых лет потянуло к этим необычным странным буграм, в которых постоянно находились занятые металлические древние вещи. В это же время Ивановский производил исследования местных курганов, и это тем более подкрепило желание узнать эти старые места поближе. К раскопкам домашние относились укоризненно, но привлекательность от этого не уменьшилась. Первые находки были отданы в гимназию, и в течение всей второй половины гимназии каждое лето открывалось нечто весьма увлекательное.

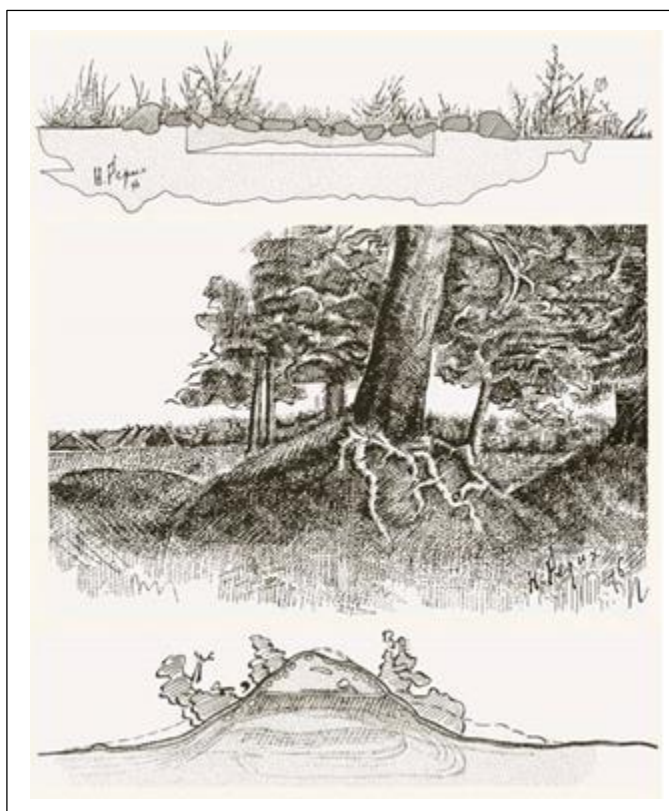
В бытность в университете Спицын и Платонов провели в члены Русского Археологического общества, где я потом был пожизненным членом. Этим путём произошло сближение со всею археологической семьёю. Кроме славянского отделения я посещал и заседания Восточного отдела, бывшего под председательством барона Розена. Там же встречал же я и Тураева. В то же время Археологическая комиссия дала несколько командировок для исследования древностей Новгородских Пятин и Тверской и Псковской областей. Археологический Институт просил устроить экскурсии, в которых принимали участие не только члены Института, но и гости, например, Милюков, Беклемишев, Глазов...

Большое огорчение доставил и мне и Елене Ивановне Н.И. Веселовский, когда в собрании Археологического Общества он объявил найденные нами на

озеро Пирос неолитические человекообразные фигурки подделками. Я его спросил, если это подделки, то кто же мог их сделать. Веселовский со своим обычным невозмутимым видом отвечал: «Мало ли кто, может быть, рабочие подбросили». Такое совершенно необоснованное суждение внутренне много подорвало моё уважение не только к Веселовскому, но и к другим, которые смущённо промолчали во время этого несправедливого и ненаучного наскока. На следующий год Веселовский с группой студентов отправился на места наших неоконченных раскопок (обычно так не поступают) и нашёл такие же человекообразные фигурки. Тогда в том же обществе Веселовский сделал громогласный доклад о своих необычных находках, а мне пришлось только сказать: «Не знаю, которое же из Ваших сообщений правильно, настоящее или прошлогоднее». На это Веселовский, смутившись, продолжал говорить о подлинности найденных им фигурок. Кроме многочисленных коллекций каменного века русского, удалось собрать и в Европе.

(1937)

Рерих Н.К. «Из литературного наследия», М., 1974

Н.К. Рерих. Рисунок 1896.

ИСТОРИЯ

"Историк должен заглянуть широким взглядом на события, чтобы не подпасть под человеконенавистничество"

Н.К. Рерих

Внашей Изварской библиотеке была серия стареньких книжечек о том, как стала быть Земля Русская. От самых ранних лет, от начала грамоты, полюбились эти рассказы. В них были затронуты интересные, трогательные темы. Про Святослава, про изгоя Ростислава, про королеву Ингегерду, про Кукейнос - последний русский оплот против ливонских рыцарей. Было и про Ледовое побоище, и про Ольгу с древлянами, и про Ярослава, и про Бориса и Глеба, про Святополка Окаянного. Конечно, была и битва при Калке, и пересказ "Слова о полку Игореве", была и Куликовская битва, и напутствие Сергия, Пересвет и Ослябя, Были и Минин с Пожарским, были и Пётр, и Суворов, и Кутузов., Повести были собраны занимательно, но с верным изложением исторической правды. На обложке был русский богатырь, топором отбивающийся от целого кольца врагов. Всё это запомнилось, и хотелось сказать, смотря на эту картину: "Не замай!"

Впоследствии, изучая летописи русские и знакомясь с древней литературой, которая вовсе не так мала, как иногда её хотели злоумышленно представить, приходилось лишь уже более сознательно повторить тот же окрик: "Не замай!" Пройдя историю русскую до самых последних времён, можно было лишь ещё более утвердиться в этом грозном предубеждении. Оно звучало особенно наряду с трогательными русскими желаниями помогать многим странам самоотверженно. И теперь то же самое давнее утверждение встаёт ярко.

10 июня 1940 г. (Лист дневника № 182)

Николай Рерих. "Зажигайте сердца", М. Молодая гвардия, 1975 г.

Н.К. Рерих. Древняя жизнь. 1904.

СОБРАНИЯ

Спрашиваете, какие у меня были собрания. Сызмальства любил собирать. Было энтомологическое — бабочки, жуки. Было минералогическое. Было орнитологическое. Учился у препаратора Академии Наук. Было дендрологическое. Было археологическое — раздал по музеям. Было огромное каменного века — предполагалось отдать в музей Академии Наук. С В. В. Радловым уже было сговорено. Было нумизматическое — надоело, а часть прислуга украла.

Наконец, старинные картины. Грабарь напрасно журит за собрание только голландцев. Были и итальянцы и французы, а главное тянуло Е.И. и меня к примитивам. Это собрание дало нам много радости и перевалило за пятьсот. Где оно? Грабарь уверяет, что оно в Эрмитаже, но некие американцы покупали картины нашего собрания в Вене у антиквара. Бывало и в Париже — чего только не бывало! Говорили, что каменный век выброшен в Мойку, — вот и такое возможно.

Первая часть собраний помогла в изучении естественной истории — ведь в гимназии её не проходили. Археология помогла изучению истории и в особенности русской. Шло обок с изучением летописей — было отличное их издание. Жаль, нет его здесь. Ну, а картины уже были как семейная радость.

Юрий и Святослав тоже по природе собиратели. Так разделяется всё на созидателей и разрушителей. Бывало, возвращаешься поздно после какого-нибудь заседания и видишь, как ярко освещены два окна. Значит, Е.И. до поздней ночи возится с картинами. Наверно знаешь, что найдено что-то интересное. Помню, как Е.И. отмыла Ван Орлея и Петра Брейгеля и Саверея. Рука у Е.И. музыкальная — лёгкая и знает, где и насколько можно тронуть.

Удивительно, к чему так безобразно замазывали отличные оригиналы? Вместо малейшей царапины нарастала целая отвратительная бляха. А часто на превосходной картине писалась через два века новая и посредственная. Впрочем, иногда такие вандализмы сохраняли оригинал — у нас было два таких случая. Достаточно вспомнить, что случилось с дюреревским триптихом. Эти записи напоминают, как всегда была преходяща "мода". Говорят, что суждения о искусстве меняются трижды в течение века.

Добром поминаем наши собрания. А когда каменный век искали в разливах новгородских озёр, Е.И. целый день не разгибала спины. Ефим усмехался: "Вот бы наши бабы знали бы так работать!"

Наш бурят, ещё недавно бывший в тех пустынных местах, где проходила наша экспедиция, говорит, что теперь там стоят сотни юрт. Неужели всё будет заселено?

24 апреля 1945 г.

Рерих Н. К. «Листы дневника», т. 3. М., 1996.

ТЕАТР

Театр, волшебный фонарь и калейдоскоп были самыми ранними занятиями. Для театра в магазине Дойникова покупались для вырезывания готовые пьесы: "Руслан и Людмила", "Жизнь за Царя", "Конёк Горбунок"... Но эти установленные формы, конечно, не удовлетворяли, и сразу являлись идеи не только усовершенствовать постановку этих пьес, но и поставить что-либо своё. Так была поставлена "Ундина" на сюжет Шиллера, затем "Аида", "Айвенго".

Главную задачу этих постановок было освещение посредством разноцветных бумаг. Иногда в театре случались пожары, в которых погибали декорации. Кроме постановок на готовые сюжеты, были попытки сочинять свои пьесы преимущественно исторического содержания. С таким театральным опытом начались с восьмилетнего возраста и школьные годы. В течение гимназических лет несколько раз участвовал в пьесах Островского и Гоголя. Тогда же рисовались и программы, как сейчас помню, с портретом Гоголя. Программы хранились в архивах гимназии Мая, а где они теперь, кто знает?

Таким образом, когда барон Дризен в 1905 году заговорил о театре, то почва к этому была совершенно готова. Из первых постановок - "Три Мага" (эскиз к ним - в Бахрушинском музее, но, к сожалению, при наклейке уже в музее были стёрты все пастельные верхние слои, в чём я убедился в 1926 году, будучи в Москве), "Валькирия" и "Кн[язь] Игорь". В предисловии к американскому каталогу Бринтон передал мои соображения о тональной задаче, выполненной в эскизах "Валькирии". В 1921 году в дармштатском журнале "Кунст унд Декорацией" Риттер назвал мои декорации к Вагнеру самыми лучшими из всего, что для Вагнера было до тех пор сделано. Такая похвала, исходящая из центра вагнеровского почитания, была весьма замечательной. Из русских опер, кроме "Князя Игоря", были эскизы к "Садко", "Царю Салтану" (Ковент Гарден), "Псковитянке" (Дягилев) и три постановки к "Снегурочке". Первая постановка была для "Опера Комик" в Париже, вторая - в Петербурге и третья - в 1922 году в Чикаго.

В 1913 году по предложению Станиславского и Немировича-Данченко был поставлен "Пер Гюнт" в Московском Художественном театре; тогда же для Московского Свободного Театра была приготовлена постановка "Принцессы Мален" Метерлинка в четырнадцати картинах, но из-за краха этого театра постановка не была закончена. В том же году в Париже - "Весна Священная" с Дягилевым и Нижинским, а вторая постановка "Весны" - в 1930 году в Нью-Йорке со Стоковским и Мясиным. В 1921 году "Тристан и Изольда" для Чикаго. Так же не забуду "Фуэнте Овехуну" для старинного театра барона Дризена. Оригинал эскиза был в собрании Голике и был в красках (в несколько пониженной гамме) в монографии 1916 года. Уже во время войны в 1915 году в Музыкальной Дrame была поставлена "Сестра Беатриса", музыкальное вступление к ней было написано Штейнбергом и посвящено мне. К серии театральных работ относится и занавес панно "Сеча при Керженце", заказанная мне Дягилевым. Не знаю, где остался этот занавес, так же, как и занавес панно Серова. Были ещё эскизы к "Руслану", один акт к "Хованщине" (хоромы Голицына) и эскизы к предполагавшейся индусской постановке "Девассари Абунту". Один из этих эскизов был в собрании Милоша Мартена в Праге. Вы спрашиваете, где находятся все эти эскизы. Они чрезвычайно разбросаны. Корабль

"Садко" - у Хагберг-Райта в Лондоне, "Половецкий стан" - в "Виктория Альберт Музее" и в Детройте. "Принцесса Мален" - в Стокгольме в Национальном Музее, в "Атенеуме" (Гельсингфорс), несколько эскизов в СССР. "Снегурочка" - в Америке, в СССР и где-то в Швейцарии. "Весна Священная" - в СССР, один эскиз был у Стравинского, эскиз для 1930 года - в Музее Буэнос-Айреса. Да, чуть не забыл, ещё был эскиз для ремизовской пьесы, который воспроизведён в монографии 1916 года под названием "Дары", и для мистерии "Пещное действо", который воспроизведён в красках в монографии Ростиславова. Можно найти воспроизведения в "Золотом Руне", в "Аполлоне", в монографии 1916 года, в монографии Эрнста, в монографии Ерёменко и в последней монографии 1939 года. Хотя оригиналы и очень разбросаны, но из приведённых монографий можно собрать значительное число разных воспроизведений, и среди них - некоторые в красках.

Предполагались ещё совместные работы с Фокиным, с Коммиссаржевским, с Марджановым, но за дальними расстояниями и переездами всё это было трудно осуществимо. Были беседы и с Прокофьевым, и я очень жалею, что не пришлось осуществить их, ибо мы все очень любим Прокофьева. В театральных работах так же, как и в монументальных стенописях, для меня было всегда нечто особо увлекательное.

(1940 г.)

Н.К. Рерих. Из литературного наследия. М., 1974.

МУЗЫКА

«Когда я спросила Мастера о его ранних впечатлениях о музыке, он сказал: Эти впечатления одни из самых ранних и одни из самых трогательных для меня».

(Из воспоминаний З. Г. Фосдик (Лихтман))

РАДОСТЬ

Одна из первых радостей была в музыке. Приходил к нам старенький слепой настройщик. Приводила его внучка. После настройки рояля он всегда что-нибудь играл. Рояль был хороший - «Блютни» с надписью Лешетицкого. Слепой настройщик, должно быть, был отличным музыкантом, и игра его запомнилась.

Бывало, ждёшь, не дождёшься, когда кончится настройка. Как бы не мешал кто долгожданной игре. Гостиная была голубая, на стене — Канченджунга. Теперь знаю, что именно эта любимая гора была в розовом закате. Слепой играл что-то очень хорошее. Было удивительно, что слепой играет,..

Потом — «Руслан и Людмила» и «Жизнь за царя» в Большом театре. Балеты: «Роксана», «Баядерка», «Дочь фараона», «Корсар»... Казалось, что музыканты играют по золотым нотам. Приходил «Господин с палочкой». Была забота, чтобы все в ложе скорее сели по местам. «Господин с палочкой пришёл!» - так тревожно заявлялось в аванложу в боязни, что запоздают и начнут двигать стульями и говорить, а там уже волшебным образом играют по золотым листам. На занавесе была погоня фавна за амурами. Со стороны фавна неприятно было сидеть в литерной ложе. Лучше всего, когда ложа оказывалась по середине,,

Итальянская опера нравилась меньше. Мазини, Патти не поражали. «Риголетто», «Травиата», «Лючия» — что-то в них было чуждое. «Аида» и «Африканка» были ближе. Хор африканцев, певший почему-то о Бrame и Вишну, был подобран на рояле. Впрочем, играть днём рядом с кабинетом отца не разрешалось.

Уже позднее открылся новый путь - Беляевские концерты. Римский-Корсаков - «Снегурочка». Далеко прослышалось имя Мусоргского, дяди Елены Ивановны.

С первого приезда Вагнеровского цикла мы были абонентами. Странно вспомнить, что люди, считавшиеся культурными, гремели против и считали Вагнера какофонией. Очевидно, каждое великое достижение должно пройти через горнило отрицания и глумления.

1937 г.

(Лист дневника № 4)

Н.К.Рерих «Зажигайте сердца», М. 1975.

Из дневника З.Г. Фосдик от 11 октября 1928 г.:

«Е[лена] И[вановна] рассказала, как Н[иколай] К[онстантинович], когда его учили в семь лет музыке, платили 5 р[ублей] за каждый раз, что он играл, и он не мог играть двумя руками разное, а лишь унисон. Потому и играл “Бурёнушку” и нашёл хор из “Африканки”, где поётся унисоном, и это играл».

Музыкальный круг образовался и около Елены Ивановны, о которой её профессор Боровкин говорил, что она могла иметь блестящее будущее пианистки. Так же и Стёпа Митусов всегда был живым звеном с музыкальным миром. В нём были заложены крупные музыкальные способности. Семья Римских-Корсаковых... Стравинский, который потом пришёл за сюжетом для совместного создания балета, из чего выросла "Весна священная", В 1913 году Париж надрывался в свисте, осуждая "Весну, а через несколько лет она вызывала столь же сильные восторги. Таковы волны человеческие. Пришёл Лядов, который потом работал у нас в Школе. Жаль, что молодой Лядов был убит в начале войны, из него вышел бы большой художник. Вообще семья Лядовых была утончённо даровитая, и чувствовалось, какие они были к тому же и хорошие люди. Штейнберг, зять Римского-Корсакова, посвятил мне прекрасную увертюру к "Сестре Беатрисе". Затем приближался барон Фитингов и даровитые Завадские. Много встреч, также много было их и за границей,

Н.К. Рерих. "Друзья". 1937г.

Н.К. Рерих. Листы дневника. М. 2000 г., т. 2.

Н.К. Рерих. Иллюстрация к Литературному студенческому сборнику. 1895.

УКРАИНА

Время-то летит! Полвека, ровно полвека минуло, как у нас на Васильевском острове против Николаевского моста зачиналось Общество имени Т.Г. Шевченко. Дид Мордовцев, Микешин — целый круг украинцев и почитателей Украины и её славного певца собирались у нас под председательством моего отца Константина Фёдоровича.

Микешин, поглаживая стрелки усов, улыбался: "Вот этакое славное дело запрещают! Ну, да к Вам, друже, не доберутся, Вы юрист — Вы выведете на верный путь". Писали Устав, сходились, беседовали о будущих выступлениях, предполагали издать "Кобзаря" с иллюстрациями, читать лекции о творчестве Т.Г. Во время собраний Микешин набросал портрет К.Ф., и все вокруг подписались. Этот лист хранился в моём архиве, может быть, был у моего брата Бориса в Москве. Надеюсь — сохранился.

Мои связи с Украиной завязались давно. Гремела труппа Кропивницкого. Заньковецкая, Саксаганский — целая даровитая семья, и чопорный Питер во-счувствовал. Украинские песни восхищали, точно бы новая находка. В Академии Художеств всегда было много украинцев, и мы жили дружно.

Первое впечатление было в Киеве, где мы остановились по пути в Крым. Был яркий праздничный день, я пошёл на базар. Тогда ещё базар был истинно гоголевским сходбищем. Прекрасные плахты, мониста, шитые сорочки, ленты, ну и шаровары, "як сине море". Накупил плахт, всякой всячины, наслушался звонкой певучей речи и навсегда сохранил память о бандуристах.

Потом уже в Академии, на украинском вечере, ставил живые картины из "Кобзаря" по эскизам Микешина. Подходит сотрудник "Новостей": "Вы ведь уроженец Украины"? Говорю: "Нет, я питерец". "Ну, я всё-таки скажу, что вы

украинец - картины-то удачны, видно, любите Шевченка". Так я и оказался украинцем. Впрочем, ранее, когда на кавказском вечере я ставил картины, таким же образом я оказался грузином. Биографам - заморока!

Вот и теперь в Гималаях, когда радио даёт "Запорожца за Дунаем", яркой, красивой чередой проходят картины Украины. Встают образы Шевченко и Гоголя. И дружба, сердечное дружество сплетается с созвучиями Украины.

Да, великое благо — братство народов. Там, где упало такое зерно плодородное, уже будет жить мысль о мире, о сотрудничестве, о героизме и самоотвержении. Лишь бы посеялось зерно Братства.

Не знаю, жив ли мой портрет Гоголя в гимназии Мая — рисунок на программе ученического спектакля. От первых классов возлюбили Гоголя, и запомнились слова Тараса Бульбы о товариществе: "Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство. Вот в чём стоит наше товарищество. Нет уз святее товарищества. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в русской земле, не было таких товарищей. Нет, братцы, так любить может русская душа — любить не то, чтобы умом или чем другим, а всем, что ни есть в тебе... Пусть же знают, что такое значит в русской земле товарищество!"

Вспомним лучшие слова о всех народах великой семьи всесоюзной. Пусть ничто злое не коснётся всенародного строительства. Да осенит труд братский творческие достижения!

Украине — любовь и привет. От Гималаев сердечный привет Всесоюзным Народам.

17 июня 1947 г.

Н.К. Рерих, "Зажигайте сердца". М. 1975.

Н.К. Рерих. Трое запорожцев. 1893.

МЫСЛЬ

Запоминаются не только яркие писания мыслителей, но и отдельные словечки, от них в беседах услышанные. Такие пламенные меткие выражения иногда остаются в памяти особенно ясно. От Владимира Соловьева, Стасова, Григоровича, Костомарова, Дида Мордовцева, Менделеева, Куинджи и до Иоанна Кронштадского много незабываемых речений навсегда осталось в жизни. Костомаров умел бросить меткое слово, зажигал своим бурным огнем Стасов, Менделеев даже во время шахматной партии бросал замечательные вехи. При этом такие отдельные броски оставались совершенно новыми и неповторенными в письменных трудах.

Помню Дида Мордовцева, блестяще говорившего у нас при учреждении общества имени Шевченко. Могли ли мы думать, что совершается нечто запрещенное и само восхваление большого поэта могло быть чем-то нецензурным. Затем для обмена мыслями создавалось несколько кружков. Был студенческий кружок, сошедшийся вокруг студенческого сборника. Но состав его был слишком пёстр, и никакого зерна не составилось.

После университета у меня в мастерской в Поварском переулке собирався очень ценный кружок - Лосский, Метальников, Алексеев, Тарасов... Бывали хорошие беседы, и до сих пор живёт связь с Лосским и Метальниковым. Зародилось и "Содружество" - С. Маковский, А. Руманов - группа писателей и поэтов. Просуществовало оно не так долго, но создало хорошую дружбу, оставшуюся на долгие годы, и посейчас.

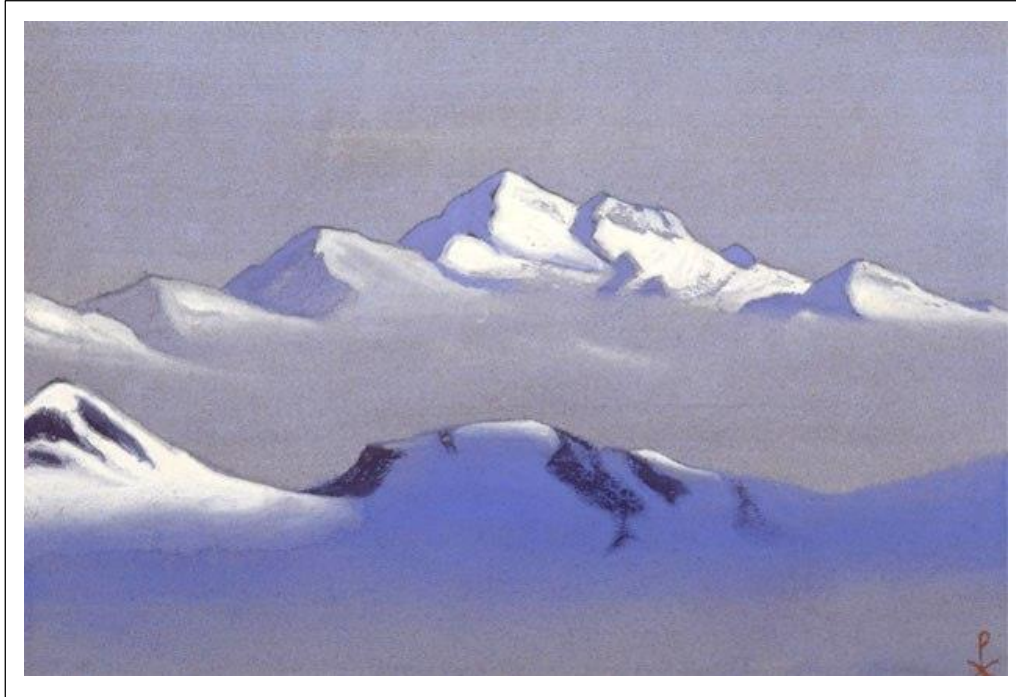
Удивительно, насколько меняются человеческие выражения, сказанные наедине. Например, Куинджи в беседах наедине выявлялся настоящим интуитивным философом. Какие прекрасные строительные идеи он высказывал и видимо бывал очень потревожен, если входило третье лицо.

Точно бы что-то отлетало. Впрочем, то же самое замечалось и с Владимиром Соловьевым. Если что-либо постороннее вторгалось, то вся ценная нить мысли мгновенно пресекалась, и он спешил прекратить беседу.

Стасов - тот не боялся присутствовавших. Даже наоборот, если подозревал в ком-либо врага своих идей, то он сразу начинал громить в направлении подозреваемого неприятеля. А за словами он в карман не лез. Чем дальше, тем с большею признательностью вспоминаются все, кто так или иначе возбуждал и чеканил мысль. Ни в школе, ни в университете это не происходило, но встречи и беседы навсегда запечатлевали мысли. Целая кузница мыслей.

(1937 г.)

Н.К. Рерих. "Зажигайте сердца". М. 1975 г.

Н.К. Перих. Канченджунга. 1945.

ИНДИЯ

От самого детства наметилась связь с Индией. Наше имя Ишвара было признано Тагором как слово санскритское. По соседству от нас во времена Екатерининские жил какой-то индусский раджа и до последнего времени оставались следы могольского парка. Была у нас старая картина, изображавшая какую-то величественную гору и всегда особенно привлекавшая мое внимание. Только впоследствии из книги Брайан-Ходсона я узнал, что это была знаменитая Канченджунга. Дядя Елены Ивановны в середине прошлого столетия отправился в Индию, затем он появился в прекрасном раджпутском костюме на придворном балу в Питере и опять уехал в Индию. С тех пор о нём не слыхали. Уже с 1905 года многие картины и очерки были посвящены Индии. «Девассари», «Лакшми» (в «Весах»), «Индийский путь» (по поводу поездки Голубева), «Граница царства», «Кришна», «Сны Индии» — всё это было написано ещё до поездки в Индию, так же, как «Гайятри» и «Города Пустынные». С 1923 года мы были уже в Индии, и с тех пор всё познание Индии, любовь к ней и многие дружеские сношения возросли. Ещё в 1920 году в Лондоне нас посетил Рабиндранат Тагор и звал в Индию. После этого в «Модерн Ревью» в Калькутте появилась большая статья о моём искусстве. Это было как бы введением в Индию. Елена Ивановна уже давно знала и любила книги Рамакришны и Вивекананды.

С 1923 года мы объехали главные достопримечательности Индии, начиная с Элефанта, Агры, Фатехпур Сикри, Бенареса, Сарната, побывали в ашрамах Рамакришны, в Адьяре, Мадуре, на Цейлоне и всюду нашли сердечное

приветливое отношение. Установились связи не только с семьёю Тагора, но и с многими представителями философской мысли Индии — Свами Рамдас, Шри Васвани, Свами Омкар, Свами Джагадисварананда, Шри Свами Садананд Сарасвати. Сблизились с Джагадис Боше, завязались переписки с Анагарикой Дхаммапаллой, с Рамананда Чаттерджи, с Сунити Кумар Чаттерджи, с Раманом. Скрепилась дружба с художниками Асит Кумар Халдар, Биресвар Сен, с художественными писателями Ганголи, Мехта, Басу, Тандан, Баттачария, Чатурведи, Равал, Кунчитапатам, Тампи, Сиривардхана... Боше-Институт, Королевское Азиатское Общество, «Маха Бодхи», Нагари Прачарини Сабха, Индусское Общество Восточных Искусств избрали почётным или пожизненным членом. По предложению Рай Кришнадаса устроили отдельный зал в Бхарат Кала Бхаван, затем Городской Музей в Аллахабаде по инициативе Рай Бахадур Бадж Мохан Виас тоже посвятил отдельный зал, а затем Траванкорское правительство при содействии Дж. Кезенса приобрело целую группу картин для своей государственной галереи Шри Читралайям. И в других махараджествах Индии предложения устроить выставки: Гайдерабад, Мисор... Трогательно было получать с разных концов Индии просьбы прислать напутственно-приветственные статьи индусским организациям: конгресс Махасабха, Федерация студентов в Дели, бойскауты «Маха Бодхи», Стра-Дхарма, Школа Мира... Предисловия к книгам Фахтулла-хан, Тейджа Синг, Моханлал Кашиап, Бхану Синг, Гупта... Не забуду встречи со «строителем нового Карачи» Джамшед Нуссерваджи. Индия радушно приняла наш Институт. Сердечный привет Индии.

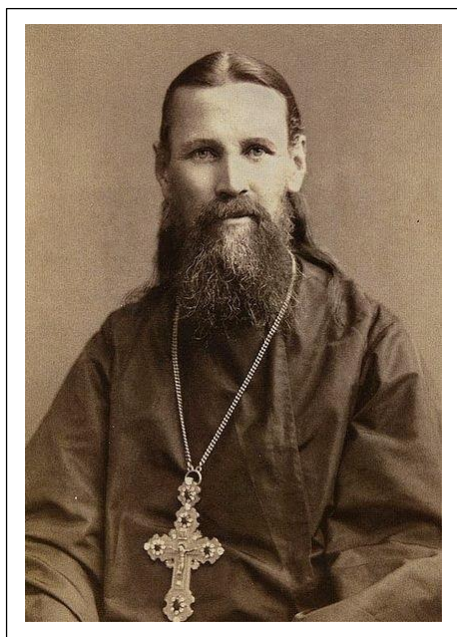
[1937 г.]

Рерих Н.К. Из литературного наследия. М., 1974.

Гималайский Институт «Урусвати». 1930-е гг.

ВОЕВОДЫ ДУХА

О. Иоанн Кронштадтский

«Сказал Иоанн: “Не болей, придётся много для Родины потрудиться”. А ведь после болезни он не видал меня десять лет. И узнал. Остановил и сказал». («Пламя»).

«Такие истинные светильники нашего недавнего времени, как отец Иоанн Кронштадтский своею огненною ревностью о Христианском Православии оставили неизгладимый благотворительный след. Как всякое плодородное семя, их посевы встают нерушимо и никакими злыми силами не удастся противостоять духовному грядущему расцвету...» (Н.К. Рерих «Спас»)

СВЕТОЧИ

"Батюшка завтра придёт". При таком сообщении весь дом наполнялся незабываемым торжественным настроением. Значит, что придёт о. Иоанн Кронштадтский, будет служить, затем останется к трапезе, и опять произойдёт многое необычное, неповторимо замечательное. В зале устанавливался престол. От раннего утра и домашние все и прислуга в особо радостном, повышенном настроении готовились встречать почитаемого пастыря. Какие это были истинно особые дни, когда Христово слово во всём вдохновенном речении Великого Прозорливца приносило мир дому. Это не были условные обязанности. Вместе с о. Иоанном входило великое ощущение молитвы, исповедание веры.

Мы жили тогда на Васильевском острове, как раз против Николаевского моста. Окна выходили на Неву, а с другого угла была видна набережная до самого Горного института. По этой набережной издали замечалась заветная, жданная карета, и торопливо-заботливо проносилось по дому: "идёт", "приехал". И опять входил благостно улыбающийся, как бы пронизывающий взором о. Иоанн и благословлял всех, сопровождая благословения каждому каким-то особым, нужным словом. Кому-то Он говорил: "Радуйся", кому-то "Не печалуйся", кому-то - "В болезни не отчаивайся". Все эти быстрые слова имели глубочайшее значение, открывавшееся иногда даже через продолжительное время.

Затем говорилось "помолимся". После чего следовало то поразительно возвышающее служение, которое на всю жизнь не забудет тот, кто хоть однажды слышал и приобщался ему. Поистине, потрясающе незабываема была молитва Господня в устах о. Иоанна. Невозможно было без трепета и слёз слушать, как обращался этот Высокий Служитель к самому Господу с такою верою, с таким утверждением, в таком пламенном молении, что Священное Присутствие проникало все сердца.

Продолжением того же священного служения бывала и вся трапеза с о. Иоанном. Мы, гимназисты, от самых первых классов, а затем и студенты, навсегда вдохновлялись этим особо знаменательным настроением, которое продолжает жить нестираемо десятки лет - на всю жизнь. Тут же за трапезой происходили самые замечательные указания и прозрения. Часто говорилось: "Пусть ко мне придёт такой-то - нужно будет". А затем, через многие недели, слушавшие понимали, зачем это было нужно. Или "Давно не видал такого-то", и через некоторое время все понимали, почему проявлялась такая забота. Помню, как однажды о. Иоанн позвал меня, тогда гимназиста младших классов, и, налив блюдечко старого портвейна, дал выпить из своих рук.

Когда же моя матушка заметила, что "он у нас вина не пьёт", то о. Иоанн сказал: "Ничего, ничего, скоро нужно будет". А через две недели у меня открылся тиф, и при выздоровлении врач предписал мне для подкрепления сил именно этот старый портвейн. Также всегда помню благословение о. Иоанна на изучение истории и художества и неоднократные заботы о болезнях моих, которым я был подвержен в школьные годы. Одно из последних моих свиданий с ним было уже в Академии Художеств, когда тесным толпою почитаемый пастырь после литургии проходил залами академического музея. Увидев меня в толпе, Он на расстоянии благословил и тут же, через головы людей, послал один из своих последних заветов.

Мой покойный тесть, Ив. Ив. Шапошников, также пользовался трогательным благорасположением о. Иоанна. Он звал его приезжать к нему и, чувствуя его духовные устремления, часто поминал его в своих беседах. Помню также, как однажды на Невском, увидев из кареты своей ехавшую тетку жены моей, княгиню Путятину, Он остановил карету, позвал её и тут же дал одно очень значительное указание.

В этой молниеносной прозорливости сказывалось постоянное, неугасаемое подвижничество о. Иоанна о человечестве. Известно множество случаев самых необычайных исцелений, совершенных им лично и заочно. А сколько было обращенных к истинной вере Христовой после одной хотя бы краткой беседы с высокочтимым пастырем. Известно, как два гвардейских офицера, по настоятельной просьбе их родственниц, в любопытстве и невежестве поехали в Кронштадт повидать о. Иоанна. При этом в пути они говорили между собою: "Ну что ж, поболтаем". Приехав в Кронштадт, они заявили о своем желании повидать Батюшку. На это келейник вынес им пустой стакан с серебряной ложечкой и сказал: "Батюшка поболтать велел". Конечно, молодые люди были глубоко потрясены, и всё их легкомыслие навсегда их покинуло.

Наряду с прозорливостью о. Иоанн отличался и свойственной великим подвижникам широтою мысли. Помню, как при разговоре о том, почему дворниками в Зимнем дворце служат татары, о. Иоанн с доброй улыбкой сказал: "Татары-то иногда лучше бывают". Когда скончался о. Иоанн, то всей Руси показалось, что ушла великая сокровищница русская перед новыми для земли

испытаниями. Вследствие отъезда не пришлось быть на погребении о. Иоанна. Так и остался Он как бы неушедшим, а Его светло-прозорливый взор живёт навсегда во всех, кто хотя бы однажды видел Его. И в наши времена не обделена земля великими подвижниками, крепкими, светлыми воеводами земли русской.

Незабываемы также встречи и с другими Иерархами, среди которых всегда остаются живыми и встречи с митрополитом киевским Флавианом, и работа по украшению Почаевской лавры с блаженнейшим митрополитом Антонием, и посещения Им совместно с митрополитом Евлогием нашей иконописной мастерской при школе Императорского общества поощрения художеств.

Митрополит Флавиан особенно ценил строгий византийский характер фресковой живописи. В моих эскизах для церквей под Киевом Он отмечал именно это качество. Блаженнейший митрополит Антоний вообще глубоко ценил старинное иконописание, которое, как нельзя более, отвечало и всему богослужебному чину. Помню, как при обсуждении одной из мозаик для Почаевской лавры я предложил избрать сюжетом всех Святых стратилатов Православной церкви, и митрополит вполне одобрил это, подчёркивая и умственность такого образа. Помню, как владыка Антоний, смотря на мою картину "Ростов Великий", проникновенно сказал: "Молитва Земли Небу". Драгоценно и радостно было встречаться с владыкой на путях церковного художества и видеть, как глубоко Он чувствовал священное благолепие русской иконы. А ведь в те времена не так часто ещё понималось высокое благолепное художество нашей старинной иконописи и стенописи. В то время покойный император ещё с прискорбием замечал: "Если моя бабка могла иметь в Царском селе китайскую деревню, то могу же я иметь там новгородский храм". Глубокая скорбь о несправедливых суждениях сказывалась в этом замечании.

Помню, как мне приходилось представлять на благословение Иерархов и эскизы стенописи Святодуховской церкви в Талашкине под Смоленском, и иконостас Пермского монастыря, и мозаики для Шлиссельбурга, и роспись в Пскове. А иконы нашей иконописной мастерской, писанные как учащимися школы, так и инвалидами Великой войны, широко расходились по Руси и за границей, внося в жизнь истовые изображения Святых Ликов. Видимо мне, что из учащихся иконописной мастерской некоторые, проникнутые религиозными основами, приняли монашеский чин и подвизаются и ныне в монастырях. Ещё не так давно имели мы трогательное письмо от одной нашей бывшей ученицы, сердечно благодарившей за наставление в иконописании, которое ей как монахине особенно пригодились для украшения её обители.

Одним из последних благословений на храмостроительство было трогательное благословение покойного митрополита Платона нашей часовни в Нью-Йорке. Сам владыка по причине смертельной болезни уже не мог прибыть на освящение, но он прислал преосвященного Вениамина и весь клир свой, присовокупив свои трогательные благословения и пожелания. Священную хоругвь владыка освятил сам. Моя бытность в Париже одухотворялась ещё близостью славного служителя Христова о. Георгия Спасского, одного из последних духовников моих. И не могу не записать одного из удивительных рассказов его. О. Георгий рассказывал, как однажды он исповедовался одному чтимому иеромонаху Новоафонского монастыря. Продолжу рассказ в Его словах: "Бывает, что во время торжественных событий вторгается в нас посторонняя мысль; так же и тут. Иеромонах уже возложил епитрахиль на меня, а в

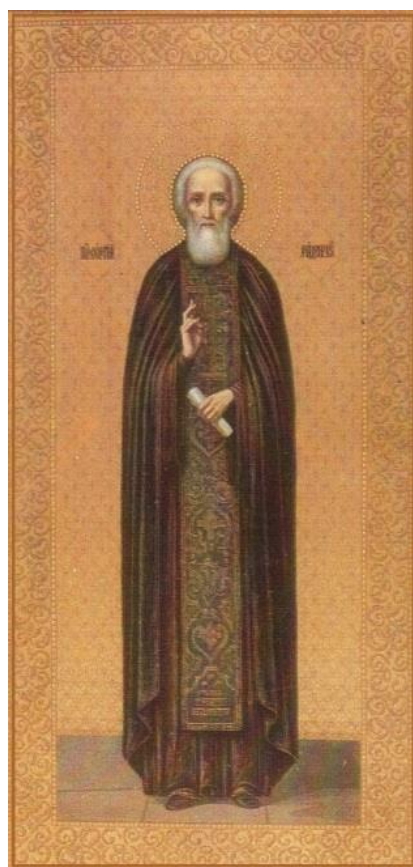
меня проникла мысль, как же заплатить за исповедь? С одной стороны, он - монах, а я - иерей. С другой же, - почему не внести обычную лепту? И вот мучила меня эта мысль, а в это время иеромонах снял епитрахиль, возложил руку мне на голову и говорит: "А за исповедь я вообще денег не беру".

Такими необычными знаками была наполнена жизнь о. Георгия. Сама кончина Его была завидно необычайная. Во время лекции своей "Единение в Духе Святом" о. Георгий как-то особенно проникновенно произнёс слова "объединение и Духи" и затем медленно склонился на кафедру. Все слушатели застыли в ожидании, предполагая напряженный экстаз любимого пастыря. Когда же подошли к Нему, то оказалось, что Он уже отошёл. Так необычно светло, в мысли о Духе Святом, отошёл светлый пастырь. Необыкновенно вдохновительно вспоминать о пастырях светлых, которые среди тьмы невзгод силою духа своего приносили твёрдость и мужество и неумолимо направляли к труду и строению.

Как поразительно начинается акафист Преподобному Сергию: "Избранный от Царя Сил Господа Иисуса, данный России Воеводо...".

Воеводы духа, строители жизни, истинные оплоты просвещения всегда живы.

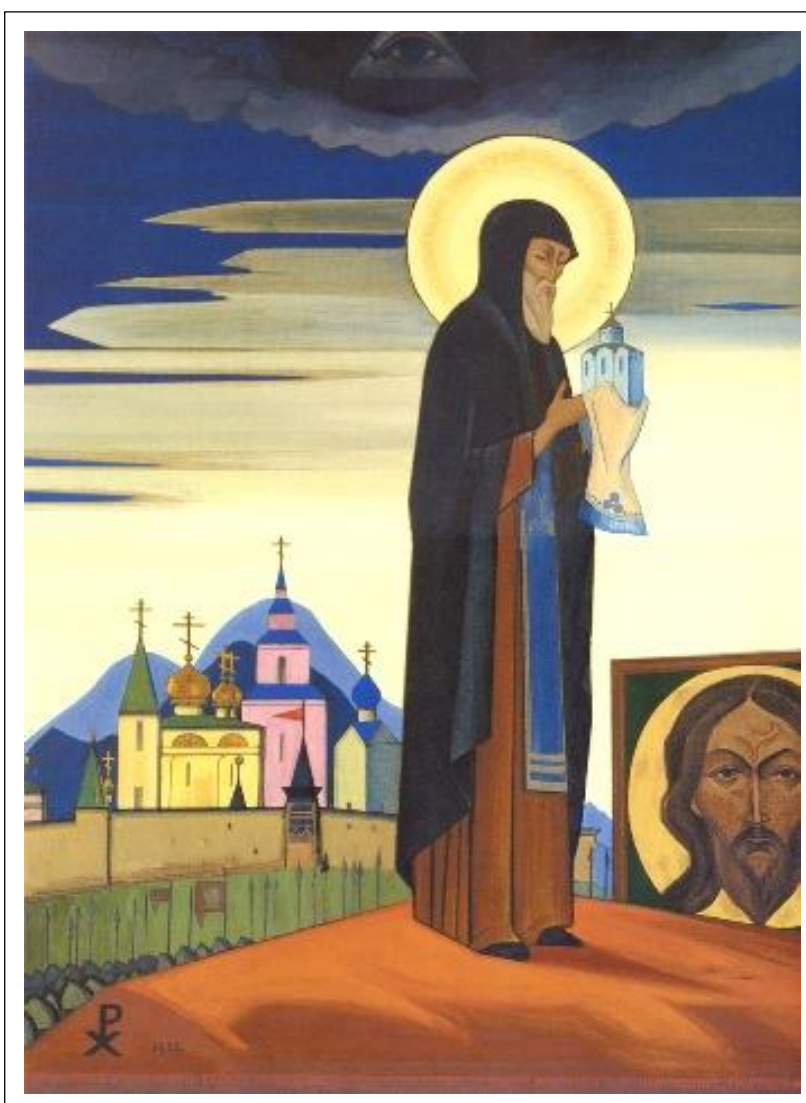
Пекин «Наша Заря», 13 декабря 1934 г.

Икона Пр. Сергия Радонежского.⁶

⁶ Репродукция этой иконы находилась в Мемориальной квартире Ю.Н. Рериха. По словам И.М. Богдановой, она висела в спальне Е.И. Рерих. (Т.В. Ларкина)

«Познающий пламень Сердца навсегда связан с Обликом Преподобного. Это великое познание, редко сходящая благодать навсегда соединила Имя Преподобного с представлением о всезнании. “Преподобный знает”, - так запомнил народ. “Преподобный знает, когда спасти”, “Преподобный знает, когда помочь”. “Преподобный знает, чье сердце доступно благодати”, “Преподобный знает, где нет неверия и предательства, где искренний дар”.

Н.К. Рерих. Св. Сергий Радонежский. 1932.